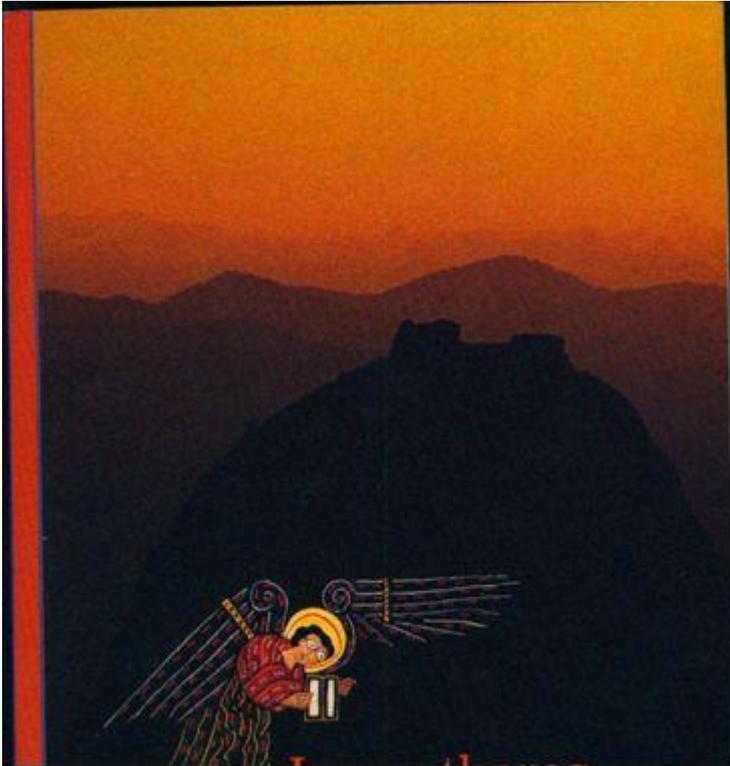

Анн Бренон

Катары: бедняки Христовы или апостолы Сатаны

перевод с франц. Н. Дульневой

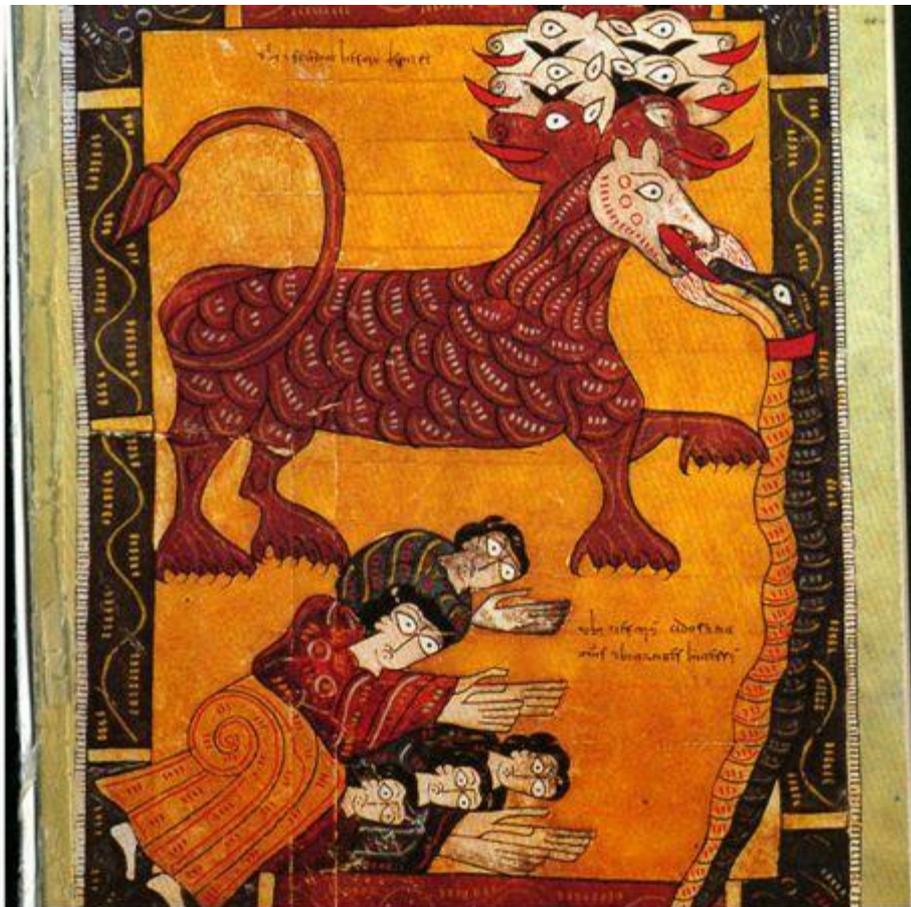
Катары: бедняки Христовы или апостолы Сатаны?

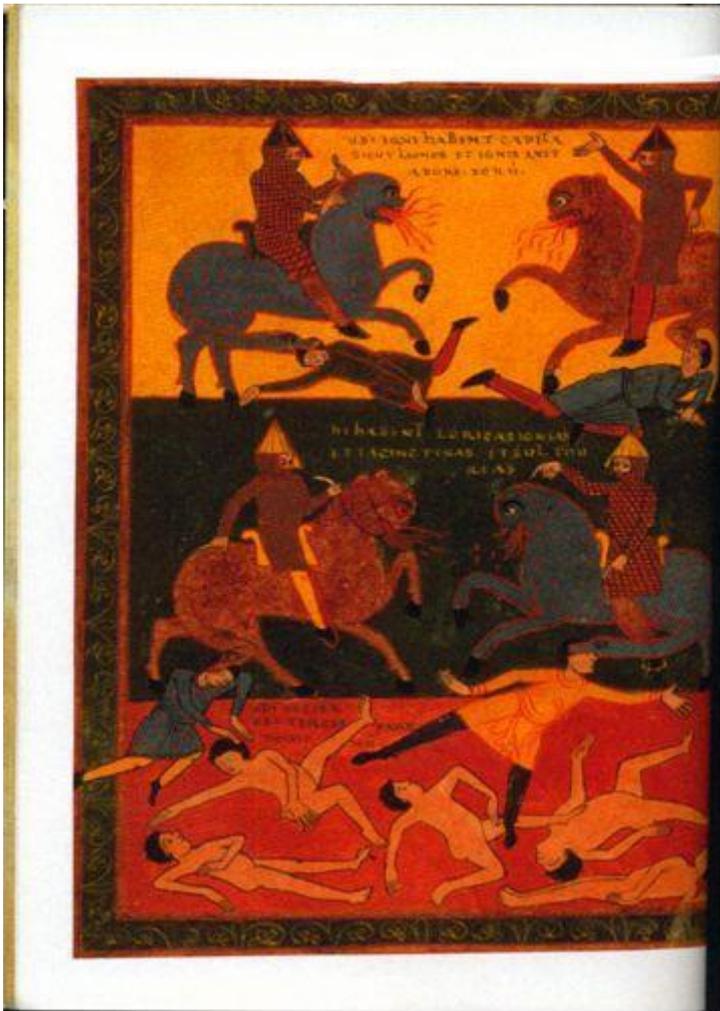
Сами о себе они говорят: "Мы, бедняки Христовы, бродим "гонимые из города в город" (Мф. 10, 23), "как овцы среди волков" (Мф. 10, 16), мы страдаем от преследований, как апостолы и мученики. Однако мы ведём жизнь святую и полную лишений, в постах и воздержании, посвящая свои дни и ночи молитвам и работе, и не ищем никакого вознаграждения своему труду, кроме как необходимого для поддержания жизни нашей. Мы придерживаемся всего этого, ибо мы - не от мира сего; но вы, любящие мир, вы заключили сделку с миром, потому что вы - от мира (Парафраза Ио. 15, 19)... "Мы, как и отцы наши - наследники апостолов, и мы получили это по благодати Христовой, и так будет до конца времён. И чтобы различить вас и нас, Христос сказал: "По плодам их узнаете их" (Мф. 7, 16). Наши плоды - это наследование Христа"

(Письмо аббата Эвервина святому Бернару, Рейнские земли, 1143 год)

Анн Бренон - архивист, палеограф, религиовед, историк. С 1982 года она является Главным Хранителем Центра исследований катаризма Рене Нелли. Специализируется на исследованиях источников средневековых ересей. Автор многочисленных книг о катаризме и статей в научных изданиях. Ответственный секретарь редакции научного ежеквартальника *Heresis*. Преподает средневековую историю в Университете Монпелье с 1993 года.

Христианство Тысячелетия

Чем был катаризм? Скорее всего, он не имеет отношения к тому, с чем его привыкли связывать: ни к Персии, ни к античным религиям и мистериям, но проистекает из глубины самого романского христианства. Он выявился в эпоху Тысячелетия, когда подул великий ветер Апокалипсиса, возродивший интерес к идеалам Евангелия, а монахи любили поразмышлять о дьяволе и милосердии Божьем.

Народ христианский эпохи Тысячелетия жил среди разгула феодального насилия, среди войн, голода и произвола рыцарей, которых Церковь пыталась по-своему социализировать, превратив в христианское воинство. Для людей того времени словно сбылись пророчества

Апокалипсиса и воплотился образ дьявола.

Глава первая

ОТЦЫ ЦЕРКВИ ПРОТИВ ЕРЕТИКОВ Возвращение слова «еретик»

В эпоху Тысячелетия любили писать и переписывать книги. Церковные переписчики и хронисты аббатств снова вводят в употребление забытые слово и образ еретика. Они помещают этот образ среди многих других злых вестников и знаков, возвещающих для них конец времен. Еретик - колдун и слуга дьявола - также присутствует среди многочисленных образов «ужасов Тысячелетия», иногда воображаемых. Признание кого-либо еретиком уже исчезло из употребления в Западном христианстве со времен поздней античности. Христианство, ставшее по выбору императора, религией Римской империи, строило свое самоопределение на кодификации догм и исключении несогласных. На Соборах в Никее (325 год) и Константинополе (381 год) ортодоксальные догматы были разработаны и провозглашены как единственные, исключающие другие тенденции в интерпретации христианского Писания. Отцы Церкви очень жестко выступили против великих ересиархов - Маркиона, Мани и Ария, а имперские институции дали Церкви материальную власть, дополняющую возможность отлучать и исключать.

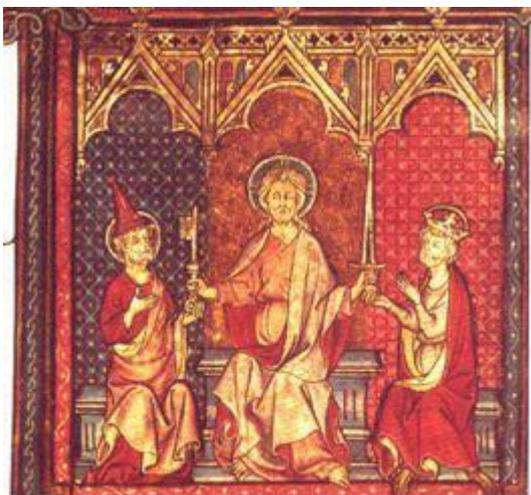
По инициативе обращенного в христианство императора Константина был созван Никейский Собор 325 года, где было определено и кодифицировано то, что стало единственной и официальной религией самого императора и империи, и где были отвергнуты все тенденции к

разнообразию.

миниатюра XI столетия, изображающая один из Соборов

Теория двух мечей: светского, доверенного императору, и духовного, переданного папе, породила настоящую христианскую теократию, достигшую своего апогея в Средние века. Более современным воплощением этой теории является так называемый «союз сабли и кропила». *Манускрипт XIII столетия, Декрет Грациана, ставшего основой средневекового права.*

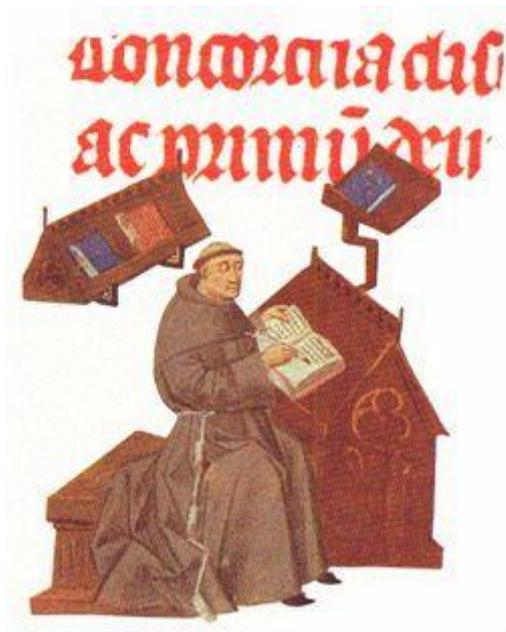

Очень существенно, что Соборы и Отцы Церкви создавали и закрепляли догматическую базу ортодоксального христианства именно для того, чтобы отвергнуть интерпретации Ария и Мани, осужденных как еретики. *Изображение святого Амвросия, символизирующее борьбу против ереси*

Последним религиозным деятелем, казненным за ересь, был Присциллиан, аскетический епископ Авилы, осужденный и обезглавленный в 384 году. Потом, на Западе, после завоеваний Карла Великого, Каролинги посвятили свой христианский милитаризм насильственному обращению язычников. Епископы, так же, как и графы, на территории Франкской империи являлись носителями как политической, так и религиозной власти. Это было первое издание христианской теократии, инспирированное примером Царей Ветхого Завета. Редко раздавались голоса, подобные саксонскому монаху Готтшалку (середина IX века), взволнованному теологическими противоречиями и поднимающему вопрос о преопределении - таких просто отсылали в отдаленные монастыри.

КОНЕЦ ИМПЕРИИ И ОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ

Конец X столетия - время реорганизации Каролингской империи, время дробления и своего рода «приватизации» политической власти, перешедшей из рук имперских функционеров в руки графов, герцогов и маркизов, унаследовавших эту власть, в то время как король франков - Гуго Капет с 987 года - уже не мог претендовать ни на какую реальную политическую власть. В этом мире единственной стабильной силой становится Церковь, и особенно монахи, сгруппированные вокруг аббатств реформированного бенедиктинского ордена Ключи. В это самое время монахи - переписчики и хронисты - составляли свои грандиозные истории мира, мира, созданного рукой Божьей, со дня его сотворения до современности. Когда доходило до современности, то их рассказы становились очень детальными и подробными. Среди историй о всевозможных бедствиях - граде, пожарах и зловещих кометах - они сообщают нам, что ко всему прочему появились еще и возмущенные Апокалипсисом фальшивые пророки, и теперь уж точно исполнились все признаки Конца Времен, конца света, который ожидался в 1000-м или 1033 году.

Монахи, переписчики и редакторы, неустанно работали в своих скрипториях: именно из их хроник мы узнаем о существовании еретиков в Европе периода Тысячелетия

В конце тысячелетия крестьянин из Шампани, обвиненный в манихействе (то есть в ереси в общем смысле, согласно тогдашней терминологии) епископом Шалона за то, что он разбил распятие и проповедовал целомудрие, покончил с собой от обиды и отчаяния. В 1022 году дюжина каноников и монахов кафедрального собора в Орлеане была сожжена живьем за ересь по приказу короля Роберта Благочестивого. Это был первый костер средневекового христианства. Затем в Тулузе, Аквитании и Пьемонте зажглись и другие костры.

Тысячелетие в белом платье церкви

Но Тысячелетие было также и временем обновления, поисков мира, благополучия, евангельской духовности. Клунийский монах Рауль Глабер, тот самый, который подает нам в своих *Историях* экстравагантные и драматические события из жизни крестьянина Лиотара и Орлеанских каноников, также описывает эту зарю второго тысячелетия в красивых образах просторов Запада под белым покровом церкви.

Пасть адова из манускрипта Апокалипсиса XIII столетия, присутствующая также и в скульптурных изображениях романского искусства и символизирующая ужас перед Страшным Судом и вечным проклятием. Народ христианский, начиная с «ужасов Тысячелетия», стал жертвой этого страха, ожидая конца света, и во всем видя знаки, возвещающие второе пришествие Христа, грядущего судить живых и мертвых. Этот ужас был одной из причин различных движений, стремящихся к евангельскому обновлению, в том числе и ереси как такой. Угроза вечной кары, сотрясавшая Церковь, фактически была отвергнута катарами, отрицавшими ее с особым рвением во имя всеблагости и всепрощения Бога-Отца. Они заявляли, что вечный ад - это просто выдумки клириков, жаждущих запугать свою паству.

Нельзя отрицать, что совокупность многочисленных факторов - смягчение климата, установление относительного мира после великих вторжений - способствовали тому, что в Европе наступил более благоприятный период, вследствие чего увеличилась численность населения. Вокруг замков и церквей возникали новые деревни, организовывалось землеустройство, возле монастырей вырубались леса и распаивалась целина, а сельскохозяйственные приемы усовершенствовались настолько, что с обрабатываемой земли можно было получать все более богатые урожаи. Уже к XIII столетию страшные голодоморы времен Каролингов были практически забыты. И теперь народ христианский мог обратиться к другим занятиям, а не только заботиться о выживании. Парадоксально, но в то самое время, когда феодальный порядок привел к систематическим войнам и стычкам, население обратилось к Богу и поиску надежд на спасение.

МИР БОЖИЙ

Это были те самые люди, которые поддержали Церковь, основав широкое движение сопротивления насилиям и злоупотреблениям господ, горделивых воителей, рыцарей, правивших с помощью запугивания с высоты своих холмов и скал, где они строили башни, окруженные стенами и частоколом. Это было движение Мира Божьего, достигшее своей кульминации в последней трети X столетия, и объединившее крестьянство и прелатов под святой защитой статуй и реликвий. Продолжавшееся весь период Тысячелетия, это движение было подмято под себя и использовано в своих интересах великими князьями в первые декады XI столетия. Но в период своего расцвета оно сумело поставить во главу угла евангельские надежды и стремления следовать Евангелию.

Фактически, в этом противоречивом водовороте насилия и благодати родилась новая жажда религиозности, жажда открыть или же заново открыть послание Нового Завета, стремление к идеалам раннехристианской Церкви и к обетованию спасения. Этот страстный поиск духовности шел из самой глубины как христианского народа, так и его пастырей. И именно из этой среды появляется двузначная фигура еретика, которая была одновременно и плодом воображения монахов, почувствовавших конкурентов в людях, более религиозных, чем они сами, и естественным апогеем харизматических евангельских движений тех времен.

Статуя величества Святой Веры, которую носили во время пышных процессий, для того, чтобы произвести впечатление на народ христианский. Но подобные статуи уже в то время вызывали у населения и другую реакцию - они становились объектом антиклерикальных насмешек. Монахи, написавшие *Книгу чудес* (XI столетие), упоминают о существовании в этот период популярной в народе критики такого рода.

Монахи-бenedиктинцы, а позднее - цистерцианцы организовали грандиозную вырубку лесов и внесли большой вклад в экономический подъем XI столетия, когда стали осваиваться целинные земли и появляться новые деревни.

Фальшивые пророки Апокалипсиса

РАСКОЛ СРЕДИ ВЕРУЮЩИХ

Таким образом, есть неопровержимые доказательства существования народного антиклерикализма в эпоху Тысячелетия. В то время, как клюнийский орден считал, что только его монахи имеют монополию на обетование Царства Божьего, закрыв свет познания в глубине своих аббатств, посреди золота, ладана и ангельских хоров, и пытаясь стимулировать народное благочестие культом реликвий и чудотворных статуй, все громче и громче раздавались голоса протеста во имя здравого смысла и чистоты Церкви времен апостолов. Нашлись люди, которые стали открыто насмехаться над этим культом. И именно в то время, когда огромные толпы собирались во имя Мира Божьего, историки обнаруживают существование мужских и женских общин, объединяющих как светских людей, так и монахов, которые были движимы желанием следовать исключительно примеру жизни апостолов и правилам Евангелия. Они также отказывались признавать более поздние нововведения институций Церкви, ее таинства, о которых не говорится в Евангелиях, и предрассудки. Они резко критиковали образ жизни своих приходских священников и претензии прелатов на светскую власть.

В написанных людьми Церкви и монахами-хронистами текстах преимущественно говорится о колдунах и колдуньях, участвующих в развратных ночных оргиях, занимающихся инцестом, неблагочестиво издевающихся над святыми статуями и реликвиями, (которые, несомненно, отомстят им), о неграмотных крестьянах и каких-то зловещих старухах - но в то же время говорят об ужасных слугах зла или манихейцах, о еретиках и посланцах дьявола или апостолах Сатаны. И это дает нам возможность предположить существование теологически более развитого религиозного диссидентства и более ученых его адептов. Хронисты и религиозные авторитеты объясняли данное явление очень просто: это лживые доктора, о которых упоминается в Писании, фальшивые пророки Антихриста, о приходе которых возвещает Апокалипсис.

Клюнийские монастыри и аббатства представляли собой закрытые от мира очаги небесного света, преддверие рая, заранее уготованного для монахов. А во «тме внешней» - колдуны и слуги дьявола.

Тексты повторяют и дополняют друг друга. Диссиденты отвергали культ реликвий, статуй и Распятия, считая все это предрассудками, проповедовали абсолютные целомудрие и бедность; они восставали против крещения маленьких детей, которые еще не могут отличать добро от зла. Но в текстах присутствуют также и теологические аргументы. Эта ересь, если она вообще была ересью, имела популярность как в среде «простецов», так и «ученых».

В текстах того времени рассказывается также о тайных собраниях «манихейцев» - крестьян из Шалонской епархии, «лживо претендующих на передачу Святого Духа святотатственным возложением своих рук». Рауль Глабер сообщает в своей хронике о еретической общине, обнаруженной в 1025 году в замке де Монфорте в Пьемонте архиепископом Турина (вся эта община была массово сожжена). Во главе общины стояла женщина, возлагавшая руки на умирающих и окруженная «скопищем дьяволов, одетых в черные одежды», что напоминает нам катарских монахов последующего столетия в их черных одеяниях.

Первые костры еретиков

ТАИНСТВА ПОД СОМНЕНИЕМ

Еретики, представшие в 1025 году в Аррасе перед епископальным судом Жерара де Камбре, заявили, что они основывают свои религиозные ритуалы исключительно на авторитете Христа и Его апостолов. Они отвергали Ветхий Завет, отказывались от крещения водой и не верили в преосуществление во время евхаристии. Еретики, о которых пишет монах из Ангулема Адемар де Шабанне, появились в 1017 или 1018 годах по всей Аквитании, они постились, как монахи, отказывались от любой мясной пищи и жили целомудренно; они отвергали поклонение распятию, потому что видели в нем орудие пыток и казни. Еретики Перигора, о которых в те же годы сообщает монах по имени Эриберт, практиковали вместо евхаристии простое благословение хлеба, не имевшее такой ценности и значения, как таинство, совершаемое на алтаре. Они также отличались вегетарианством и абсолютным аскетизмом, демонстративными молитвами, совершаемыми на коленях, с земными поклонами, и, скорее всего, повторениями Отче Наш в греческой доксологии: «ибо Твое есть Царствие, и Сила, и Слава, во веки веков, аминь».

Они говорили, что «Христос не рождался от Девы, не страдал за людей, не умирал по-настоящему, не был положен во гроб и не воскресал [...] Они не признают таинства преосуществления хлеба и вина в тело и кровь Христову» (Заметки об Орлеанских канониках, около 1050 года)

Фальшивые пророки Апокалипсиса

РАСКОЛ СРЕДИ ВЕРУЮЩИХ

Таким образом, есть неопровержимые доказательства существования народного антиклерикализма в эпоху Тысячелетия. В то время, как клунийский орден считал, что только его монахи имеют монополию на обетование Царства Божьего, закрыв свет познания в глубине своих аббатств, посреди золота, ладана и ангельских хоров, и пытаясь стимулировать народное благочестие культом реликвий и чудотворных статуй, все громче и громче раздавались голоса протеста во имя здравого смысла и чистоты Церкви времен апостолов. Нашлись люди, которые стали открыто насмехаться над этим культом. И именно в то время, когда огромные толпы собирались во имя Мира Божьего, историки обнаруживают существование мужских и женских общин, объединяющих как светских людей, так и монахов, которые были движимы желанием следовать исключительно примеру жизни апостолов и правилам Евангелия. Они также отказывались признавать более поздние нововведения институций Церкви, ее таинства, о которых не говорится в Евангелиях, и предрассудки. Они резко критиковали образ жизни своих приходских священников и претензии прелатов на светскую власть.

В 1022 году был зажжен первый костер в истории христианства, где погибли двенадцать каноников королевского города Орлеан, в том числе и личный исповедник королевы. И хронисты - Рауль и Адемар - уже не обвиняют их в колдовстве и различных развратных действиях; документы, датированные серединой XI столетия, очень точны: слишком набожные каноники, высокоученые клирики, отрицали всякую ценность евхаристии и не верили в человеческую природу Христа. С их точки зрения истинный Бог мог только принять человеческий образ. Они отрицали евхаристию, как магический обряд, превращавший хлеб и вино в настоящую кровь и плоть Христову.

Это обвинение позволило Церкви поставить обнаруженных ею диссидентов в один ряд с великими ересями первых столетий христианства, подобным образом рассматривавших природу Христа. И это - ясная формулировка катарского докетизма, известного нам по документам XIII столетия. Но данный текст дает нам еще более подробную информацию, описывая единственное таинство, которое практиковали осужденные Орлеанские каноники: «спасение через возложение рук, смывающее все грехи, посредством которого нисходит Дух Святой». Это точное определение катарского *consolament* в том виде, в каком оно описано в XII веке.

Практика возложения рук очень часто упоминается в Новом Завете, а потом в первые века христианства. Средневековые еретики, протокатары и катары, также выводили это свое таинство из апостольской традиции, утверждая, что крещение Духом Святым путем возложения рук - это единственное таинство, основанное на Писании, в отличие от семи таинств, придуманных Церковью, особенно евхаристии и крещения исключительно водой.

святой Павел крестит верующего

Архангел и дракон: у истоков христианского дуализма

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЕРЕСИ

Удивительно, до какой степени все отличительные черты катаризма, известного нам по богатым и многочисленным документам XII - XIII столетий, уже присутствуют в текстах эпохи Тысячелетия, рассказывающих нам о первых еретиках западного христианства. Эти «протокатары» существовали на маргине официальных структур Церкви в качестве смешанных христианских общин, преисполненных одновременно требовательности и критицизма. Члены этих общин заявляли, что живут по примеру апостолов и следуют закону Евангелия, они пытались жить настоящей аскетической жизнью и отвергали Старый Завет. Эти требовательные христиане отрицали также человеческую природу Христа и таинство евхаристии, ставшее одним из главных католических таинств. Они конкурировали с официальной Церковью и практиковали таинство спасения, отпускающее грехи через возложение рук и нисхождение Духа Святого.

Тема падения ангелов иллюстрируется в многочисленных копиях комментариев Беатуса - комментариев к Апокалипсису, очень популярных в X-XI столетиях. Хвост побежденного дракона обвил третью часть звезд и увлек их за собой с неба. Духовность всех христиан того времени - а не только еретиков - складывалась под влиянием этого мифа.

Но значит ли это, что в описании религиозной практики еретиков мы видим наследие античных диссидентов, принесенное на христианский Запад какими-то далекими, пришедшими с Востока миссионерами? Нет, все было намного проще. По-видимому, эти взгляды и эта практика были окончательным плодом неустанных трудов и поисков соответствия Евангелию, охвативших религиозное сознание людей того времени - от кафедр соборов до глуши клюнийских монастырей и собраний Мира в чистом поле, где к этим поискам примешивался еще элемент народного антиклерикализма. Достаточно было раскрыть Библию и прочитать Деяния, где говорится об апостолах, которых они желали наследовать, об этой ранней Церкви, к ценностям которой они хотели вернуться, о крещении путем наложения рук, и о том, как святой Павел разбивал статуи и объявлял предрассудками «идолы народов»...

Очень рациональные, несмотря на глубокое Средневековье, еретики отбрасывали «предрассудки» официальной Церкви, как, например, культ статуй святых, ассоциируя их с идолами, которые разбивали первые христиане. С этой же точки зрения они

интерпретировали Тайную Вечерю как благословение и разделение «хлеба Слова Божьего» между Христом и апостолами, не признавая, однако, чуда пресуществления.

МАНИХЕЙСКОЕ СТОЛЕТИЕ

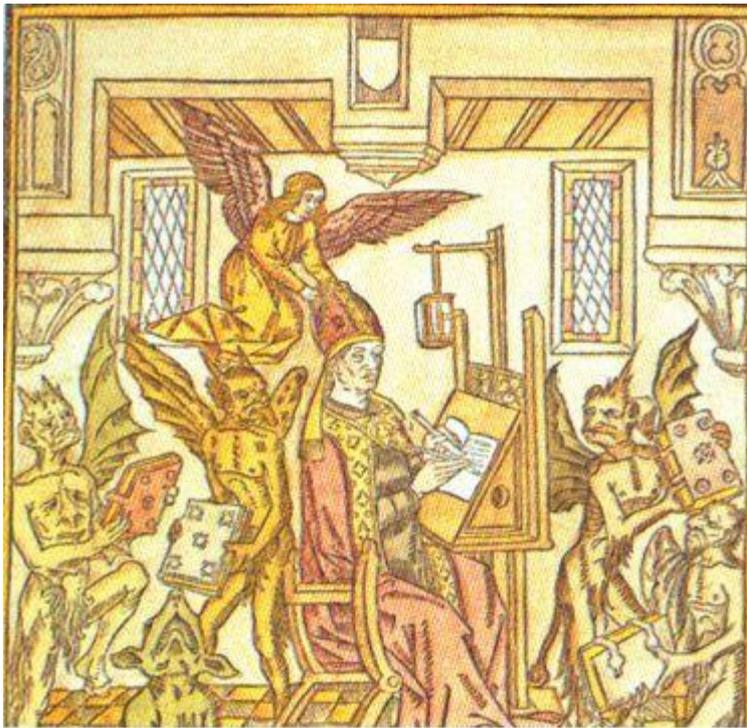
Вряд ли следует воображать вторжение в Европу манихейцев с Востока. Сам термин «манихейцы», употребляемый хронистами, был в то время просто синонимом еретика. К тому же, по выражению Жоржа Дюби, «XI столетие является полностью и спонтанно манихейским». Это произошло из-за драматического воплощения в глазах тогдашних людей пророчеств Апокалипсиса, когда особенно популярной была тема великой битвы между архангелом Михаилом и легионами дракона, древней змеи, за стенами небесного Иерусалима. Земным воплощением этой битвы в глазах монахов того времени представлялось разделение между праведниками и слугами дьявола.

Битва архангела, защищающего небесный город от нападения дракона, или Зверя Апокалипсиса, долго и плодотворно питало романское воображение, а антагонизм между небесными созданиями и силами зла, является одним из корней христианского дуализма.

Манихейцы по интеллектуальному выбору, клюнийские монахи были полностью во власти видения мира, раздираемого безжалостной битвой между борцами за Божье дело, которыми они считали себя, и слугами зла и Антихриста, которыми они представляли своих противников - когорты врагов, этих апостолов Сатаны, этих ересиархов. Манихейцами по необходимости были крестьяне, основа христианского народа, повседневная жизнь которых была полна насилий, чинимых вооруженными бандами, и на которых все тяжелее ложилось феодальное право и повинности сеньорального порядка, иерархия которого считалась божественной.

В *scriptoria* аббатств монахи переписывали и украшали рисунками манускрипты с комментариями к Апокалипсису - например, Беатуса, аббата Лебана - этими мрачными и выразительными изображениями битвы архангела и дракона, а певчие на хорах пели о свете рая, недоступного обездоленным.

Дракон, «древняя Змея» Апокалипсиса, враг Божий и Града небесного, часто ассоциировался со змием, соблазвившим Еву в Книге Бытия. Обогащенные мифом о Люцифере, особенно в интерпретации Оригена и его учеников, эти идеи сделали зримым образ дьявола, широко распространенный в эпоху Тысячелетия и продолжавший развиваться в христианском воображении от Средних веков до наших дней.

Справа: ангелы и дьяволы дискутируют вокруг святого Августина, «Град Божий» которого инспирировал средневековые мечты об Иерусалиме небесном. Интересно напомнить, что сам Августин, живший в IV столетии, сначала был манихейцем, а потом обратился в христианство и в качестве Отца Церкви стал опровергать свою прежнюю веру... иногда весьма дуалистическими аргументами.

Две Церкви

ОБРАЗ НЕВЕРНОГО

Во второй половине XI века, когда писались документы о проявлениях ереси на христианском Западе, папство предприняло грегорианскую реформу (по имени папы Григория VII), чтобы освободиться из-под опеки германских императоров, попытаться вернуться к идеалам и ценностям ранней Церкви и навести порядок в священническом и монашеском чине. Евангелические стремления монахов не только спастись отшельничеством, но и проповедовать, привели к созданию новых орденов. Так, в 1100 году Роберт де Молесме основал орден Сито. Путь к христианскому спасению открывался и для светских людей, в том числе и для женщин, через супружескую жизнь, установленную и регулируемую новым таинством брака. В то же время, в идеологии реформаторской Церкви еще более усилились манихейские тенденции.

С именем папы Григория VII (справа) связано проведение Грегорианской реформы, которая на протяжении второй половины XI века возродила духовность Церкви и реструктуризовала ее внутреннюю дисциплину. Таинства брака и исповеди, возникшие в эпоху Каролингов, приобрели теперь свою окончательную форму.

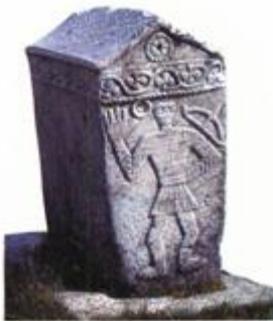

Появилась теория, оправдывающая, и даже обязывающая христианское рыцарство применять силу против врагов Бога и веры, поскольку стало считаться, что при этом не совершается никакого греха. Под конец столетия наряду с образом еретика эпохи Тысячелетия, появляется новый образ врага - мусульманин в Испании или в Святой Земле - и этих врагов можно и нужно было убивать, не нарушая евангельских заповедей. Под крики: «Сие угодно Богу!» стала активно пропагандироваться священная война, крестовый поход. Западному христианству военизированная грегорианская идеология предложила учение о двух Церквях: истинной Церкви трона святого Петра, Церкви католической и Римской, и лживой, вероломной Церкви Антихриста и врага, состоящей из неверных и еретиков. Поскольку последняя действует по дьявольскому наущению, то очень праведно и дозволено законом уничтожить ее во имя Бога. Такова роль христианского рыцарства, которую впоследствии переняла на себя Инквизиция.

Глава вторая

Церкви европейских катаров

О богомилах греческого христианства сообщается на тридцать лет раньше, чем о западноевропейских еретиках. В Боснии и Болгарии известно несколько памятников средневекового народного искусства, приписываемых богомилам (слева внизу), что чаще всего невозможно проверить. Однако известно, что в Сараево есть стела, посвященная выдающемуся боснийскому иерарху, Госту Милютину.

БОГОМИЛЬСКИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Богомилы Византийской империи.

В середине XI столетия греческое и латинское христианство окончательно раскололись, в том числе и по причинам расхождения в области учения о Троице, между католической Церковью Римского папства и православной Церковью, признающей только авторитет Константинопольского патриарха. Но фактически, позиция греческой Церкви перед лицом ереси свидетельствует о разнице между ее подходом и подходом к той же ереси римского католицизма. Если православные церковные иерархи и обличали ересь теми же обидными словами, что и Римская Церковь, они почти никогда не скатывались, как последняя, до физических репрессий против отступников.

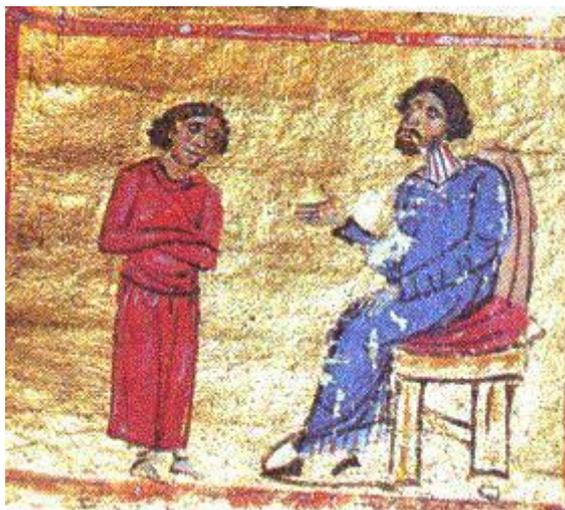

Раскол

1054 года, завершившийся взаимным отлучением патриарха Константинопольского Михаила Керуллария и папы Льва XI (слева), поставил точку над *i* в этом процессе. Культура, язык, политическая судьба, позиция относительно религиозных вопросов – все с тех пор разделилось между этими двумя ветвями христианства, греческой и латинской. Богомилы и фоундагаиты, греческая версия латинских катаров, следовали традициям василианских монахов и, как и их братья-катары, не представляли собой ничего внешнего по отношению к христианской культуре.

Во второй половине X столетия, буквально за несколько десятилетий до того, как в западноевропейских хрониках появились упоминания о «манихейцах и колдунах», похожие на них еретики были описаны в греческих и славянских источниках. В 970 году болгарский священник Козьма посвятил им целый трактат, где неприязненно отзывался о тех, кто называл себя «богомилами» - по имени их ересиарха, попа Богомила (славянский вариант греческого имени Теофил, «друг Божий»). Рассеянные по всему Болгарскому царству, одетые в монашеские одежды, эти богомилы – но сами они не называли себя никаким другим именем, кроме как просто христиане – совращали, пишет Козьма, наивные души своей демонстративной набожностью и стремлением к аскетической жизни. Они насмеялись над суеверными церемониями православной Церкви – культом Распятия и реликвий, верой в чудеса; отрицали всякую ценность ее таинств; сами претендовали на

право отпускать грехи, и среди них были даже женщины, что, замечает Козьма, без сомнения, достойно осмеяния.

Византийские документы относительно ереси XI столетия более детальные и точны, чем современные им западноевропейские тексты. Богомилы, описанные в них, выглядят очень похожими на латинских еретиков эпохи Тысячелетия. Суровые монахи, очень набожные, но в то же время преисполненные духа резкой критики, они были организованы в смешанные христианские общины и претендовали на то, что именно они представляют истинную Церковь. Они практиковали долгие периоды теологического обучения и монашеского послушничества, которое неофит проходил до вступления в христианскую общину. Само вступление осуществлялось через крещение путем возложения рук, которое смывает все грехи. Есть свидетельства, что богомилы использовали миф о падении Люцифера и притчу о вероломном управителе (выше) для дуалистической интерпретации Писания, приписывая создание сего мира демиургу.

По сообщениям хронистов, у этих еретиков были и некоторые дополнительные черты, по сравнению с их западными коллегами. Противопоставляя, как и те, Ветхий Завет Новому, они в своих проповедях, по-видимому, толковали Святое Писание исключительно дуалистически. Богомилы считали, что творение этого мира несет на себе отпечаток зла, а не Бога, и приписывали его не Богу, а одному из восставших ангелов, Люциферу. Другие важные документы XI столетия свидетельствуют о том, что богомилские монахи во множестве присутствуют в монастырях столицы Византии, Константинополе, а также на обширных просторах византийской Малой Азии. Там, под именем «фундагиаты», что означает «путешествующие монахи с переметными сумами», они проповедовали Евангелие и свою веру местным крестьянам, и основали бесчисленное множество мужских и женских общин. В столице империи им удалось получить поддержку некоторых крупных аристократических семейств.

Один из представителей таких семейств, известный и уважаемый врач по имени Василий, был сожжен вместе с несколькими своими учениками по приказу императора Алексия Комнина на большом ипподроме Константинополя около 1100 года. Именно в это время Западная Европа вновь открывает для себя еретиков, которым дают разные имена, но среди которых, в конце концов, преобладающим становится слово «катары».

Описание торжественной казни ересиарха Василия и его учеников в Константинополе приводится в *Алексиаде*, хронике, которую византийская царица Анна Комнина посвятила царствованию своего отца, императора Алексия

УМНОЖЕНИЕ СПОРОВ

Западная Европа: патарины и ткачи

Во второй половине XI столетия упоминания о еретиках исчезают из текстов и хроник Западной Европы, занятой проблемами грегорианской реформы. Однако в первые годы XII столетия они снова появляются в поле зрения хронистов, причем одновременно и во всех тех местах, где они уже были известны в эпоху Тысячелетия. В разных регионах, где о них упоминается, они предстают перед нами под разными именами, но при этом довольно легко проследить те общие черты, по которым их можно идентифицировать и узнать. «Патарины» в Северной Италии, «фифлы» во Фландрии, «публикане» в Шампани и Бургундии, «ткачи» в Лангедоке - везде они исповедовали одни и те же «ошибки», практиковали одни и те же ритуалы, везде их преследовали как еретиков, приводили на епископские суды и сжигали живьем, по инициативе возбужденной и гневной толпы и несмотря на тревожную

бдительность служителей Церкви, как подчеркивают и на чем заботливо настаивают многочисленные монахи-хронисты первой половины XII века. Но уже с середины XII столетия Церковь больше не испытывает колебаний и сама начинает проявлять инициативу, организовывать репрессии и физическое уничтожение отступников.

Массовые аресты и костры в Льеже в 1135 году, по-видимому, уже дело рук епископальной власти, и из этих же документов мы видим, что и огромная территория Рейнского архиепископства с центром в Кельне особенно сильно была затронута евангельским сопротивлением. В 1143 году Эвервин, аббат монастыря в Штайнфельде, послал об этом тревожный сигнал Бернару из Клерво, светочу Сито и наиболее уважаемому религиозному авторитету своего времени, будущему святому Бернару. Это письмо, на которое Бернар ответил серией проповедей на тему «Песни Песней», представляет собой документ исключительной важности.

Ересь XII века, кажется, затронула все социальные слои - от крестьян до каноников. Надо сказать, что адепты ереси должны были следовать евангельскому принципу обязательного труда, и поэтому тексты акцентируют на их связи с миром ремесленников, и особенно ткачей (см. выше). Кроме того, эти еретики открываются нам как люди, знающие Евангелие и, в отличие от своих предшественников, не отвергают никаких новозаветных текстов. Известно, что греческое слово «ересь» означало «выбор», а не «ошибку». Первых еретиков укоряли в том, что они избирательно относились к священным текстам, а не принимали их в целом.

В то самое время, когда цистерцианцы приняли идею о железном мече, который может отточить и использовать воинствующая Церковь, рейнские еретики, по-видимому, организовали бедную и евангельскую контр-Церковь, Церковь Апостолов - название, которое их противники превратили в «Апостолов Сатаны».

КАКИЕ ПОРОКИ И КАКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ?

Апостолы или рейнские катары.

В Кельне произошли новые массовые аресты, и Эвервин из Штайнфельда приводит свидетельства о торжественном заседании суда, где еретики не побоялись защищать свои теологические взгляды перед епископом и его судом, сознательно используя аргументы из Святого Писания. Впечатленный этим, Эвервин даже решил поговорить с еретиками в той тюрьме, где они содержались, еще до того, как толпа схватила и увела, чтобы сжечь тех из них, кто отказался отречься. И зрелище их мужественной смерти, достойной первых христианских мучеников, до такой степени взволновало монаха, что он почувствовал потребность открыться Бернару из Клерво.

В огне первых костров XII столетия, в 1120 году погибли крестьяне из Суассона. Потом, на протяжении всего столетия, огромные волны репрессий (см. ниже), организованные епископской властью, уничтожили целые общины во Фландрии, Рейнских землях и Шампани. В Рейнских землях Экберт де Шонау и великая Хильдегарда Бингенская начали рьяные проповеди борьбы с еретиками, а говоря о ереси, они стали сравнивать ее с чумой и проказой, а еретиков - с волками, собаками, лисами, гиенами и шакалами.

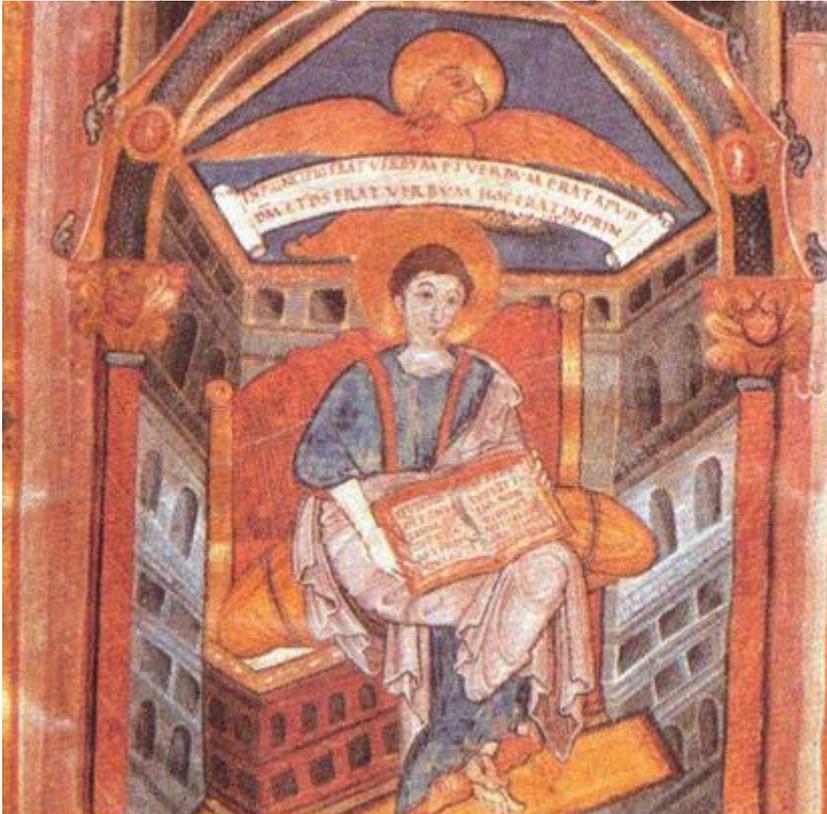

Эвервин сообщает нам - как он пишет об этом и Бернару - что еретики, или, как они сами себя называют, Апостолы и Бедняки Христовы, организованы в смешанные общины, которыми руководят епископы. Как и еретики эпохи Тысячелетия, они не верили в человеческую природу Христа, заменяли Пресуществление простым благословением хлеба, очищали от грехов благодатью через таинство крещения путем возложения рук. Как и богомилы, они практиковали вступление в христианскую общину через несколько последовательных этапов прохождения теологического обучения и послушничества. При этом у них была двойная церемония - крещение, которое делало из простого симпатика верующего, и потом посвящение, когда верующий становился христианином.

Немецкое готическое искусство отражает воинственность Хильдегарды. Статуи, украшающие кафедральный собор в Страсбурге, изображают добродетели, поражающие пороки.

Рейнские Апостолы вели жизнь по примеру апостолов Христовых, как это делали и «манихейцы» эпохи Тысячелетия, и, как и богомилы, претендовали на то, что они представляют собой истинную Церковь. Они утверждали, что эта Церковь жила в подполье в Греции со времен апостолов, но отныне она должна распространиться по всему миру. Аргументы, которые они выдвигали Эвервину о своем предназначении, появляются и в позднейших текстах, представляющих собой основы катарской теологии. Как в Евангелиях, и особенно в Первом Послании Иоанна, противопоставляются Бог и мир, Апостолы или Бедняки Христовы противопоставляли свою Церковь Божью и Римскую Церковь мира сего. Признаком своей преемственности они считали соответствие их образа жизни апостольскому, согласно евангельской метафоре о добрых деревьях: «По плодам их узнаете их». Живущие в бедности, отвергающие насилие, они отрицали аутентичный христианский характер великой Церкви, властной и купающейся в роскоши, Отцы которой сошли с пути Христоваго.

В противоположность тому, о чем долго писали историки, катары на самом деле использовали весь комплекс Нового Завета, а также некоторые книги Старого Завета, а не только Евангелие от Иоанна (см. Евангелист Иоанн). Однако их религиозность и в самом деле была окрашена предпочтением иоаннитической традиции. Катары и богомилы произносили пролог Евангелия от Иоанна во время своей литургии крещения и посвящения, и проповедовали свой христианский дуализм, отталкиваясь от таких цитат, как: «Мы знаем, что мы от Бога, и что весь мир лежит во зле» (1 Ио, 5: 19).

ДВА МИРА И ДВЕ ЦЕРКВИ

Аргумент о двух Церквях, используемый вот уже столетие авторитетами Римской Церкви, чтобы обличать еретические секты Апостолов Сатаны, теперь, кажется, стал использоваться самими еретиками для собственной защиты. Но основа анализа, лежащего под этими аргументами, та же самая: это зачатки дуализма, содержащегося в самом христианском Писании; это скрытое противостояние Бога и мира; это «манихейские» тенденции, выявившиеся во всем христианстве эпохи Тысячелетия, которые богомилы и катары последовательно развивали от XI до XIII столетия и, наконец, поставили во главу угла своей логики. Через двадцать лет после Эвервина де Стейнфельда, в 1163 году, когда зажглись новые костры, другой монах из Рейнских земель, Экберт де Шонау, описал в своих проповедях аналогичные и совпадающие по всем статьям с предшественниками еретические общины. Но он подает две дополнительные подробности. Он сообщает о дуалистической интерпретации мифов о творении, используемых этими «Апостолами Сатаны» и изобретает новое слово «катары» для их обозначения. Хвастаясь своей эрудицией, он использует игру слов, составляя новое слово из двух: «катаристы» (античная секта манихейцев или «чистых») и «поклонники кота» (колдуны, поклоняющиеся дьяволу в образе кота). Однако на всей территории, где жили эти еретики, от Малой Азии до Аквитании, они никогда не называли себя иными именами, кроме как христиане, Бедняки Христовы или Апостолы. Слово «катары» неожиданно приобрело широкую известность и популярность после публикации в 1848 году книги Карла Шмидта «История и доктрина секты катаров». Вот почему мы и дальше продолжаем употреблять этот термин, несмотря на всю его историческую ошибочность.

Согласно еретикам, Благая Весть Евангелия, провозглашенная Христом, обновила и вытеснила Закон Моисеев, установленный Старым Заветом. См. Христос между Церковью и Синагогой (миниатюра XV столетия).

Альбигойцы и выход на сцену Бернара из Клерво.

Через несколько месяцев после получения письма Эвервина из Штайнфельда, встревоженного прогрессом ереси на берегах Рейна, Бернар из Клерво возглавил специальную миссию прелатов, посланную в графство Тулузское, чтобы преследовать и обличать своего старого врага, монаха Генриха, на проповеди которого там собирались толпы, но евангелизм которого не устраивал Бернара. Но когда в июне 1145 года он совершил турне по Тулузе, Верфею и Альби, он не увидел единомышленников монаха Генриха, с которым он боролся, но людей, представляющих особый вид еретиков и напоминающих ему тех, о ком писал его рейнский корреспондент. Именно с легкой руки Бернара этих людей стали называть «еретиками-альбигойцами». Но безо всякого сомнения, это были те самые Христиане или Апостолы, которых сегодня называют катарами.

ГРОМЫ И МОЛНИИ СИТО

Основанный Робертом из Молесме, орден Сито стал с 1130 года, при горячем личном содействии Бернара из Клерво и благодаря его духовному и интеллектуальному престижу, кузницей идеи о воинствующей Церкви. Идеолог крестовых походов, мистический основатель религиозной милиции Храма, святой Бернар несомненно оказал большое влияние на христианство XII века своей верой в священное единство Церкви. Однако, ни ему, ни его последователям, папским легатам-цистерианцам конца XII - начала XIII веков, кажется, не удалось достичь особого успеха в проповедях против еретиков. Эти неудачи цистерцианцев и пробудили призвание Доминика, приведя его к основанию ордена Братьев-проповедников.

Из документального отчета о поездке святого Бернара в Тулузу и Альби четко видно, что уже в первой половине XII века диссидентский евангелизм овладел бургадами, где под защитой семейных кланов мелкой сельской аристократии множились мужские и женские общины, выделявшиеся своим шумным и насмешливым антиклерикализмом. Прелаты, легат и лично сам Бернар, светоч Сито, ощутили это на себе непосредственно. Даже работавшие на полях крестьяне, казалось бы, наименее зараженные этим поветрием, и то в пол-уха слушали самые красноречивые его проповеди. Вернувшись в Клерво, Бернар попробовал себя в риторике насилия, сочинив целую серию антиеретических проповедей, задавших тон будущим кампаниям цистерцианской контрпропаганды, и, фактически, давших осуществиться возможностям, которыми воспользовались следующие поколения - подавлению еретической заразы с помощью силы и Инквизиции.

Через двадцать с лишним лет после этого, в Ломбере, на сцену выступили ученые теологи самих еретиков во главе с епископом Церкви Альбижуа, которым, очевидно, уже тогда был Сикард Селлерье. С высоко поднятой головой, не опасаясь присутствия цистерцианцев и высокопоставленных католических прелатов, они вступили с ними в публичные споры и дискуссии, организованные под охраной и защитой виконта Тренкавеля. Во время этого конфликта становятся видимыми связи, которые уже на то время установились между окситанской аристократией и альбигойской ересью: к середине XII столетия катарские Церкви существовали открыто, и в этих землях им сопутствовала удача.

Семья Тренкавелей (см. оттиск виконта Раймонда-Роже) владела виконтствами Безье, Каркассон и Альби, которые представляли собой довольно значительное и фактически независимое территориальное объединение, входившее в союз с графством Барселоны и графством Тулузским. Роже II Тренкавель, супруг Азалаис Тулузской, был первым из этой семьи, кто отличался как резким антиклерикализмом, так и толерантностью, и даже симпатией к еретикам. Он был первым из Тренкавелей, отлученным от Церкви. А его сын Раймонд-Роже после его смерти в 1194 году стал известным защитником еретиков и пал одной из первых жертв крестового похода 1209 года.

Генеральная Ассамблея в Сан-Фелис, Лаурагэ

Подтверждение этому не заставило себя долго ждать. В 1167 году в *castrum* Сан-Фелис, в Лаурагэ, на границе между виконтством Тренкавелей Альби - Каркассон и графством Тулузским, публично и открыто была организована Генеральная Ассамблея еретических Церквей Европы под руководством почтенного богомильского иерарха Никиты, епископа Константинопольского. Инициатива созыва этой Ассамблеи принадлежала Тулузской Церкви, которая намеревалась использовать визит Никиты в Западную Европу, чтобы провозгласить себя епископством. Община христиан Каркассе тоже желала иметь епископа, так же, как и община христиан Аженуа. На то время только Церковь Альбижуа, раньше всех появившаяся в Лангедоке, уже имела своего рукоположенного епископа, Сикарда Селлерье.

На Ассамблее в Сан-Фелис были также представлены делегации Церкви Италии, во главе с Марком, избранным епископом, и Церкви Франции, во главе с рукоположенным епископом, Робертом д'Эперноном. Советы христианских общин западноевропейских Церквей тоже избрали себе епископов, и досточтимый гость рукоположил их в одно время с Марком. Он также повторно рукоположил Сикарда Селлерье и Роберта д'Эпернона, и наново совершил крещение Духом всех присутствовавших Христиан и Христианок. Потому абсолютно беспочвенным является утверждение, которое вместе со многими другими ошибками кочует из одного исторического труда в другой и выдвинутое рядом авторов первой половины XX столетия, что присутствие Никиты в Сан-Фелис следует интерпретировать в догматическом смысле. Некоторые даже заявляли, что Никита был папой богомильско-катарских Церквей.

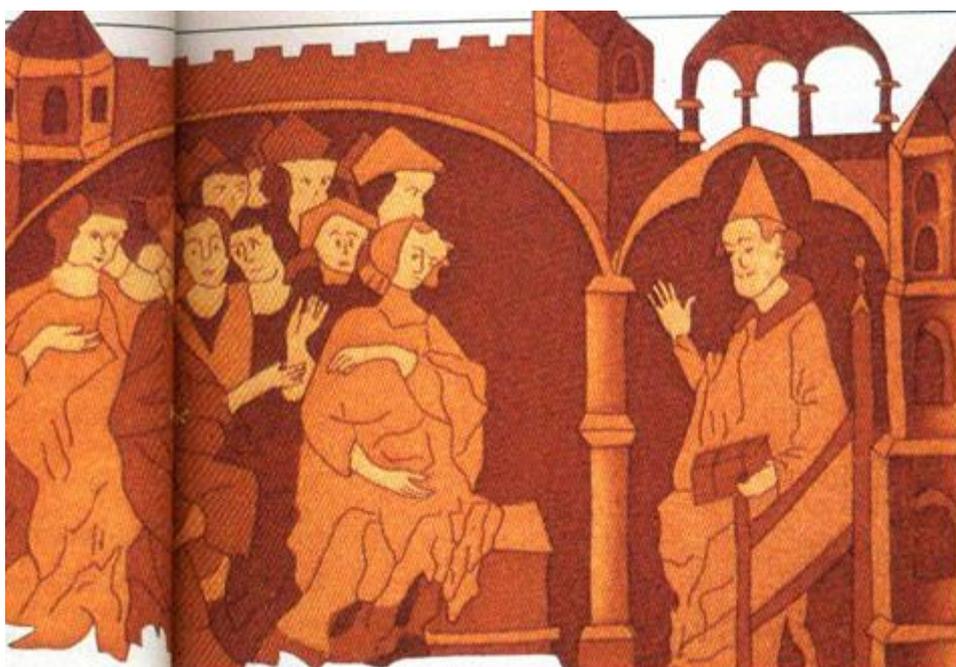
Тексты говорят очень ясно - Никита не проповедовал местным общинам никакого дуалистического *credo*, а просто использовал право рукоположения для передачи своей власти, посвящения и подтверждения посвящения западноевропейских епископов. Для этого, собственно, богомильский епископ и приехал на Запад. Нет сомнения, он ограничился тем, что убедил Церкви, уже возникшие и существовавшие на территории от Рейнских земель до Лангедока, что «золотая цепь» передачи Святого Духа через возложение рук Христиан, наследником и носителем которой он является, представляет более подлинную апостольскую преемственность, чем их собственная. Единственные слова, сказанные Никитой катарским Церквям, зафиксированные в дошедших до нас текстах, говорят о необходимости автономии и уважении к каждой христианской общине, объединившейся вокруг своего епископа. Он говорил, что их сестры - восточные Церкви - имеют

между собой четкие границы, живут в добрососедских отношениях, мире и дружбе: «Сделайте и вы так же».

Личность Никиты фактически стала жертвой фантастических интерпретаций определенных средневековых словосочетаний, как, например, “Papaniceta”, которое некоторые ученые объясняли таким образом, что Никита стал катарско-богомильским папой, торжественно провозглашенным в Сан-Фелис. Но этот термин, очевидно, следует толковать более умеренно в значении «отец», в связи с той ролью, которую он сыграл в отстаивании независимого подхода к каждой из многочисленных Церквей по отношению к другим.

Катарские епископства Западной Европы.

Одним из главных пунктов повестки дня на Ассамблее в Сан-Фелис в 1167 году был фактически арбитраж процедуры разграничения территорий между Каркассонской и Тулузской Церквями. Главный исторический документ, зафиксировавший этот факт, демонстрирует нам реальную динамику развития окситанского катаризма, который достаточно вырос и структурировался в Церкви или епископства. Документ Сан-Фелис является чем-то вроде фотографического снимка распространения в Европе еретических общин через четверть столетия после обращения Эвервина из Штайнфельда к святому Бернару.

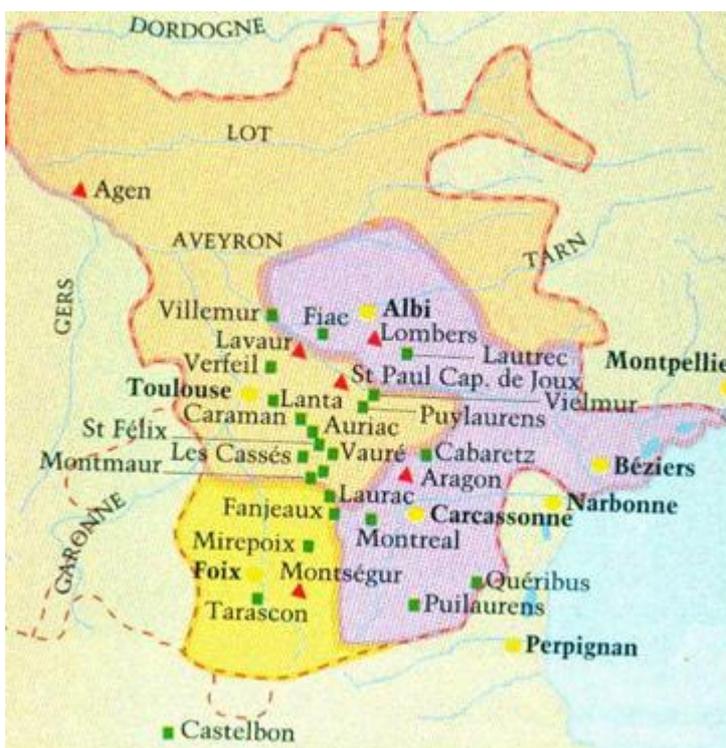

Это изображение Латеранского Собора 1215 года, возможно, позволит создать представление также и о собрании еретических монахов в Сан-Фелисе. Как и папа Иннокентий III, епископ Никита председательствовал на этом собрании, но этим, а также организацией литургии посвящения и крещения, его роль и ограничилась. Общины катарских монахов и монахинь (на Ассамблее, в отличие от католического Собора, присутствовали и женщины) сами принимали решения, которые считали нужными.

Есть информация, что уже с середины XII столетия общины рейнских еретиков возглавляли епископы. Экберт де Шонау в 1163 году уточнял, что у катаров Бонна и Майнца были «архикатары». Однако в Сан-Фелис не было ни одного из представителей рейнских общин. Вероятно, огромная волна репрессий, организованная самим Экбертом, по его же свидетельствам, была причиной - по крайней мере, на то время - дезорганизации рейнских Церквей.

Тем не менее, в Сан-Фелис присутствовала делегация Церкви Франции во главе с епископом. Очаги еретической активности еще в эпоху Тысячелетия были зафиксированы в Шампани, в районе Вертюз, потом в Шалоне и на Реймсе; нам также известно то, что еретики появились в Бургундии - по архивам репрессий, которым их подвергали, особенно в Везеле и Невере. Конечно же, эти регионы входили как составляющие элементы в обширное епископство Франции, в пределах которого, возможно, после реорганизации, оказались и общины Суассона и Фландрии (в то время еще существовавшие в районе Арраса).

По-видимому, еретические общины на этих широких пространствах были довольно рассеяны и отстояли далеко друг от друга, потому и объединялись в Церковь с одним епископом. В 1167 году в Италии, очевидно, была подобная ситуация - одна Церковь с одним епископом, Марком. Но в отличие от Церкви Франции, которая так и оставалась единой до последнего костра на переломе XIII столетия, Церковь Марка из Ломбардии, наоборот, вскоре распалась на несколько Церквей, иногда ссорившихся между собой, и эти дискуссии долгое время не утихали в итальянских городах.

Эта карта распространения окситанских катарских Церквей (престолы епископов и диаконов) показывает, что эпицентрами ереси были не только места, пользующиеся популярностью в современном «катарском» туризме (Корбьер, Минервуа, Пиренеи), но и регионы, находящиеся на торговых путях Лаурагэ, среди плодородных долин и ярмарок, бургад и *castra* между Тулузой, Альби и Каркассоном.

Однако совсем другой была - и оставалась до самого конца - ситуация в Окситании. В *castrum* владетелей Сан-Фелис, вассалов виконта Тренкавеля, абсолютно толерантно относившихся к религиозным диссидентам, открыто проходило торжественное собрание монахов и монахинь, которых преследовали и осуждали по всей остальной Европе. Выглядит так, словно на территории между Альби и Тулузой катаризм вообще никогда не был в подполье. К середине XII столетия он с такой же интенсивностью распространился в Каркассе, Тулузе и Аженуа, где христианские общины представляли собой зародыши будущих Церквей, а единственная структурированная Церковь со своим епископом находилась в Альбигуа. Появление названия «альбигойцы», употребляемого для обозначения катаров Юга Франции, очень понятно, потому что оно отражает ситуацию, когда в Альбигуа уже был епископ, а в Тулузе, Каркассе и Аженуа еще не было. Сикард Селлерье, так же, как и Роберт д'Эпернон, были последними представителями старой епископской катарской ветви, появившейся в Европе до прибытия Никиты - той самой, к которой

принадлежал епископ Апостолов, сожженных в 1143 году и «архикатары», сожженные в 1163 году.

Четыре - а потом и пять - еретических Церквей распределили между собой ту же самую территорию, на которой находились католические парафии Нарбонны, Каркассона, Тулузы, Альби и Кагора (называемого Ажен). И в графстве Тулузском, и в графстве де Фуа, и в виконтствах Каркассон, Безье, Альби и Лиму, альбигойское христианство с многочисленными и уже структурированными общинами распространялось без особых препятствий и очень динамично развивалось. Можно сказать, что для него наступил настоящий золотой век.

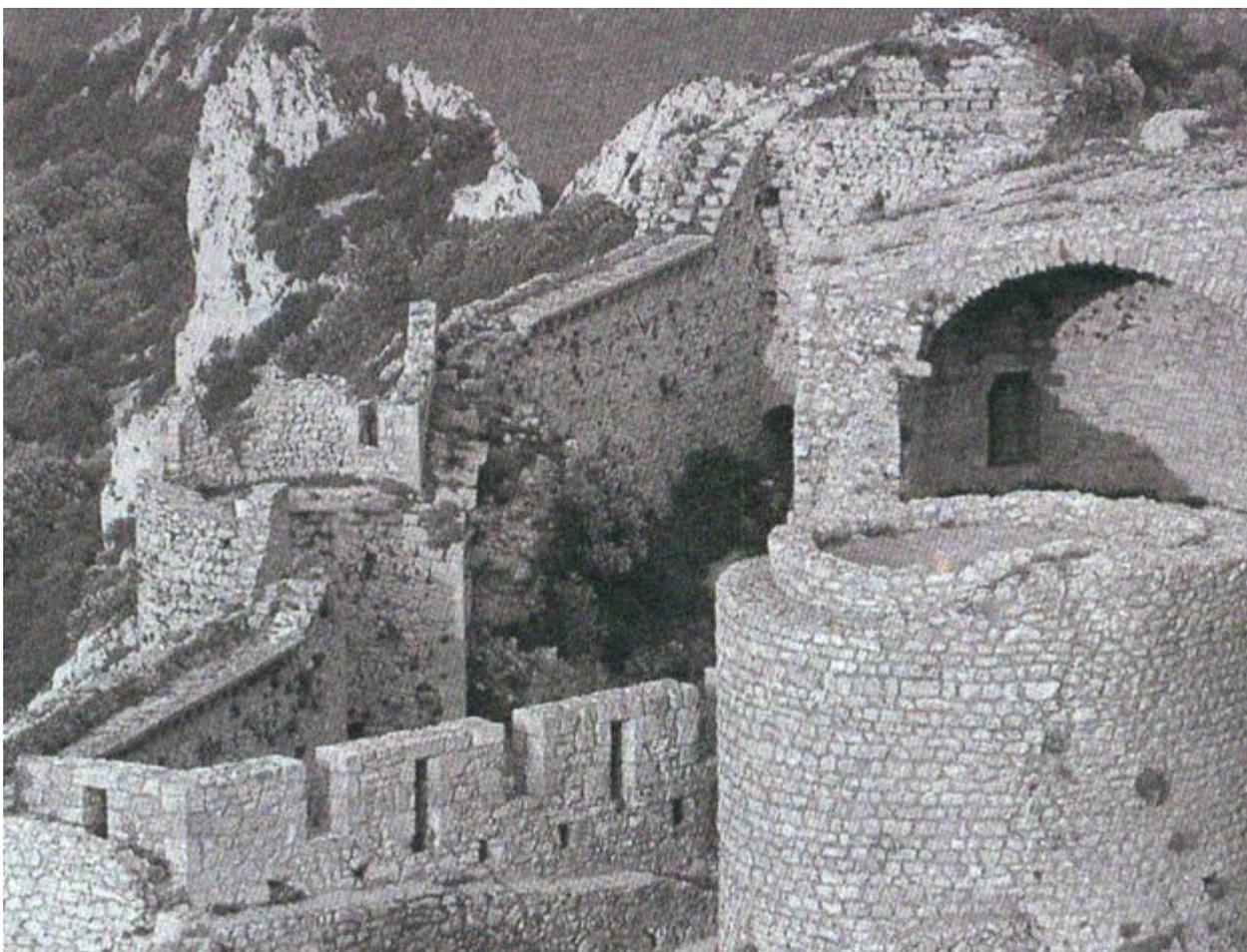
По довольно туманным причинам личного характера, обычно связанным с проблемами сомнения в ценности уделаемых таинств, - но не по причинам догматических ссор - катарская Церковь Италии к концу XII века распалась на многочисленные, иногда противостоящие друг другу группы. Инквизиторы XIII столетия слишком абсолютизировали эти расхождения, считая главной их причиной соперничество между дуалистическими школами, что на самом деле не имело в реальности большого значения. Каменные лица - деталь орнамента церкви де Монтсон, Верхняя Гаронна.

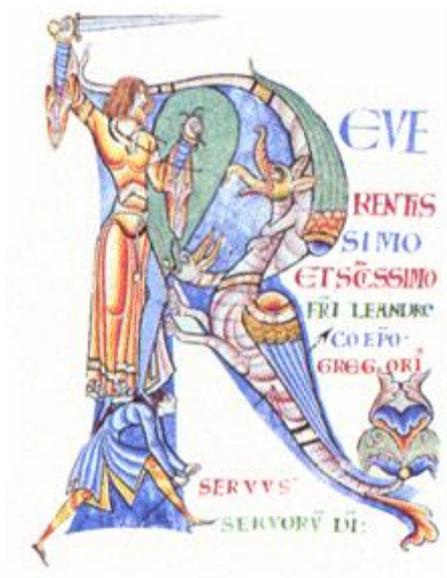
В то время как в Рейнских землях жгли катаров, а в Шампани - публикан, Добрые Мужчины и Добрые Женщины открывали свои общинные дома на улицах окситанских *castrum* - единственно подлинных «катарских замков». От Тулузы до Каркассона ересь стала более изысканным и к тому же более верным путём Спасения.

Глава третья

Благодатные времена для ереси

Используя образ святого Георгия Сито, поражающего дракона (внизу), папа призвал христианских рыцарей к крестовому походу против других христианских князей и рыцарей, которых уже давно обвиняли в грехе толерантности по отношению к ереси на их землях. Наверху: развалины замка Пейрепертюзе.

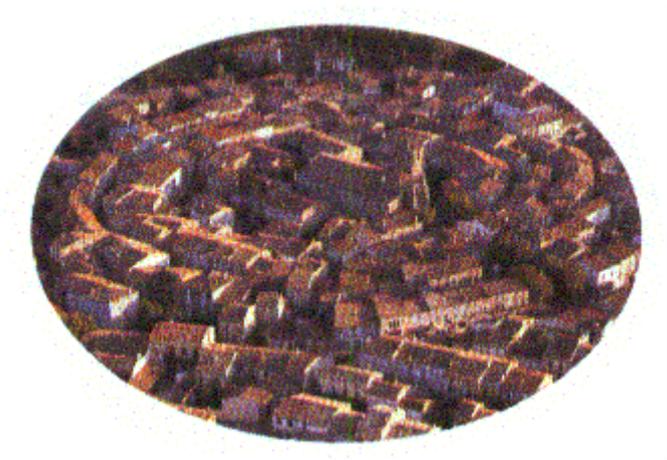
ДЕРЕВНИ – ЗАМКИ

Внутри средиземноморского “castrum”

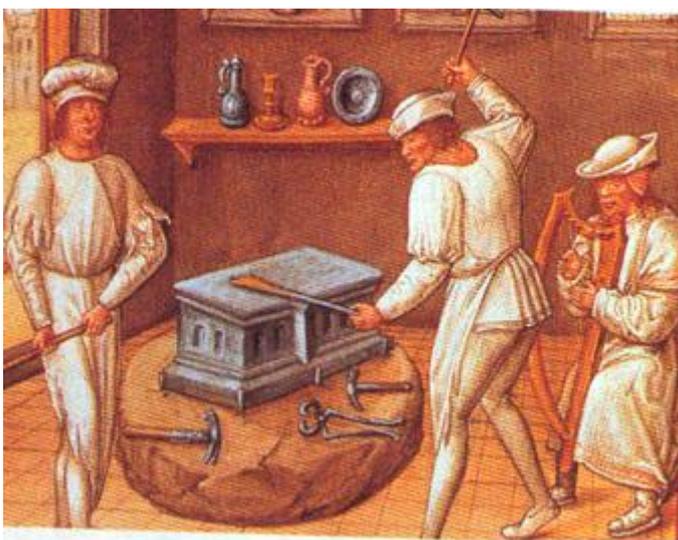
Всякая средневековая окситанская деревня имела сердце, центр. Таких центров было даже несколько: феодальный замок, вокруг которого concentрическими кругами вились улицы, и главная площадь, где горожане, ремесленники и крестьяне, прохаживались бок о бок с военными, дамами и рыцарями. Здесь обычные общественные структуры позволяли невозможное в других местах определенное смешивание между общественными классами, или, как тогда говорили, тремя сословиями: теми, кто молился, монахами и клириками (*oratores*), теми, кто воевал - королями, князьями и аристократами (*bellatores*), и теми, кто трудился - огромной толпой работников и знатоков ремесла (*laboratores*).

В те времена, когда Европа была усеяна укрепленными замками, отделившими касту военных в их орлиных гнездах от крестьянских поселений, на территориях от Италии до Гаскони развивалась совсем другая форма социального и обычного устройства. Сельское население тогда было прикреплено к деревням и находилось, как впрочем, и везде, в зависимости от феодальной власти и системы повинности, однако не жило на почтительном расстоянии от феодальной крепости. Сельские дома круговыми улицами обвивались вокруг вершины холма, на котором стояла простая башня, и всё поселение, вместе с этой башней, было обнесено стенами. Средневековое латинское слово *castrum* в европейском Средиземноморье означало не укрепленный замок, а укрепленную деревню.

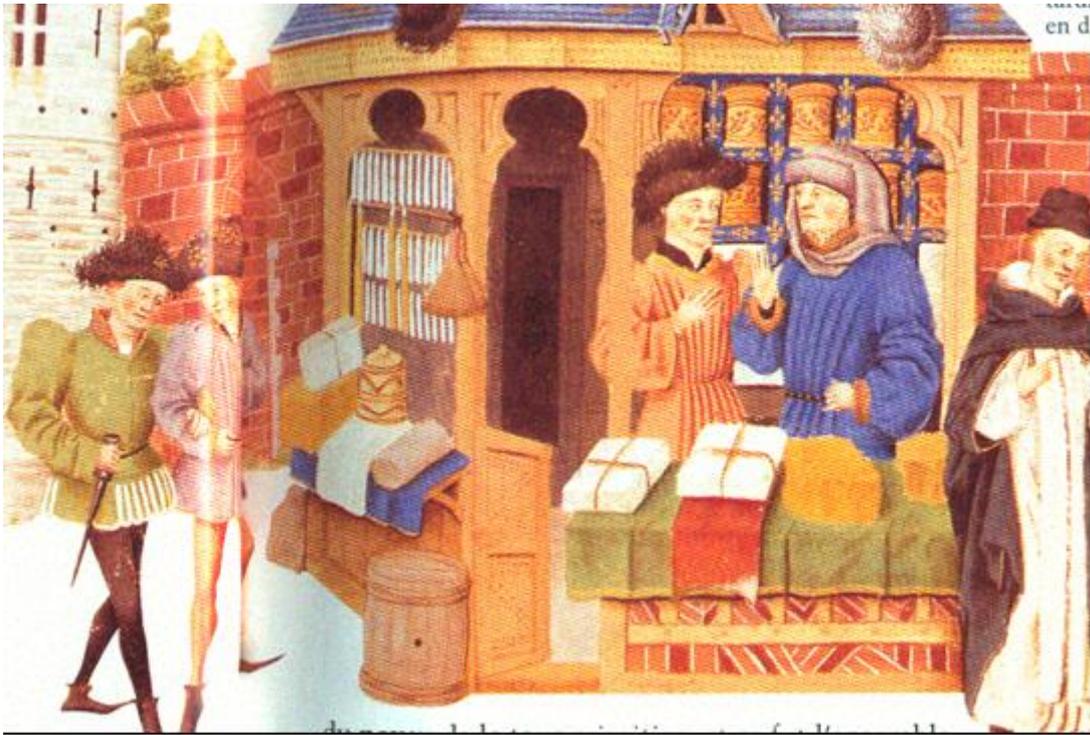
Современные открытия средневековой археологии говорят нам о таком явлении, как *incastellamento*, существовавшем в европейском Средиземноморье между XI и XIV веками. Это означает, что жители селились в фортифицированных деревнях, имевших круговую форму. Такие деревни окружали феодальную башню (бургада кастральная) или приходскую церковь (бургада экклезиальная). Вид на деревню Брам, (Од).

В противоположность введенному Эпиналем и популярному у современных туристов клише «катарский замок», настоящими «катарскими замками» были укрепленные деревни, где процветали ремёсла и торговля, как на этих миниатюрах, правда, более поздних, XV века. Тем не менее, они дают нам представление об этом явлении. Открытие того, чем на самом деле были окситанские *castrum*, позволило увидеть, чем в реальности были «катарские замки» - французскими королевскими крепостями, построенными вдоль границы с Арагоном под конец XIII - в начале XIV веков, а потом перестроенными в XVI веке.

ОКСИТАНСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО

Под конец XII - первые годы XIII веков, когда в текстах говорится о широком распространении катаризма и организации в Лангедоке катарских епископств, эти деревни-замки были многочисленны и густо населены, наполнены шумом и гулом ремёсел - особенно много было кузнецов и ткачей. Там проходили оживленные базары и ярмарки; уже тогда эти деревни-замки управлялись избираемыми консулами, способными ограничить власть сеньора. Сама аристократическая каста любила достаток, была несдержанной и немного анархичной. Система патриархального линияжа, обеспечивающая исключительное право наследования всей совокупности прав и земель только старшему сыну, традиционная и характерная для феодального общества, где господствовали германские обычаи, здесь была введена довольно поздно - только после французского завоевания. Например, еще в 1230 г. владение дю Ма-Сен-Пуэлле, в Лаурагэ, было коллективным, и его делили между собой пятеро братьев. Отсутствие права старшинства было результатом обычного права римского происхождения, по которому структурировалось окситанское феодальное общество. Это право породило оригинальную, разветвлённую и обширную сеньоральную систему, где власть осуществлялась совместно, а доходы делились между совладельцами - братьями, кузенами, троюродными братьями и другими родственниками.

Линьяжи великих окситанских князей, виконтов Тренкавель, графов Тулузских, графов де Фуа осуществлялись в XII веке по праву старшинства и патриархального наследия, как и во всём европейском феодализме. Семья графов де Фуа практически вся была связана с катаризмом. Гастон Фёбус, граф де Фуа и Беарнский, автор многочисленных трактатов, как, например, эта книга об охоте, был правнуком катарских графов и графинь.

Часто старая феодальная башня становилась слишком тесной для этих больших благородных семейств, и они покидали ее, чтобы поселиться в более удобных городских домах, которые они иногда нанимали у горожан. А к ним присоединялись и стоящие ниже их по феодальной лестнице рыцари, дамы и их люди. Вся эта более или менее аристократическая публика селилась на улицах *castrum*, по соседству с торговцами и крестьянами, из которых избирались городские консулы. Общественные сословия любили перенимать друг у друга слова и жесты. *Laboratores* и *bellatores* встречались на одной и той же городской площади; *oratores*, которых здесь называли Добрыми Христианами - Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами, а в других местах - еретиками, открывали свои монашеские дома на тех же самых улицах. Таким образом, катарское христианство распространяло свой религиозный образ жизни в недрах аристократической культуры, господствовавшей в *castrum*, и эта культура воспринимала их как образец, которому стоит следовать.

Вассалы и вассалы вассалов графов, в отличие от последних, преимущественно практиковали коллективное владение и разветвленные типы линьяжа, где дамы иногда тоже могли становиться сеньорами. Такого, конечно, никогда не могло быть согласно знаменитому Салическому праву, запрещавшему капетингским принцессам наследовать французскую корону (внизу - рукопись VIII века).

Средиземноморское рыцарство в основном было работающим и сельскохозяйственным, не считая по-настоящему своё сословие христиански сакрализованным, как это делало французское рыцарство, вначале подкрепляя свои идеи Григорианской идеологией, а потом - рыцарскими романами о Граале.

Рыцарь, каменное изображение в бастиде Корд)

Обычное христианство хорошего общества

В 1145 году миссия Бернарда из Клерво в Альбижуа и Тулузен выявила сильные тенденции резкого антиклерикализма у той самой аристократии, которая питала симпатии к еретикам. Довольно нуждающееся и очень многочисленное, но гордое, это мелкое дворянство, вассалы Тренкавелей и графов Тулузских, уже давно пыталось, чтобы жить согласно своему рангу, обратить в свою пользу налоги и повинности, которые крестьяне должны были выплачивать Церкви - эту знаменитую церковную десятину, которую стало требовать и собирать реформированное папство. Богатые прелаты и купающиеся в роскоши аббаты были для этих маленьких сеньоров *castrum* владетельными соперниками с непомерными политическими претензиями. Они мстили им насмешками, развивая при своих дворах новые ценности светской культуры, элегантной и духовной, иногда очень вольной во всех смыслах этого слова. Трубадуры, воспевавшие земную любовь, изощрялись также и в остроумной сатире на монахов и римских клириков. Совладельцы *castrum* и рыцари все более естественно склонялись к поддержке другой христианской Церкви, с параллельной епископальной иерархией, открывавшей свои религиозные дома прямо в их бургадах: Церкви, интеллектуально более верной, не собиравшей ни налогов, ни десятины, работавшей, чтобы жить, и высказывавшей неприязнь к привязанности к миру, его роскоши и его делам. Однако в остальной Европе эту Церковь повсеместно осуждали как еретическую.

ДВОР «ИСКУССТВА ЛЮБВИ»

Trobar и *fine amour* - искусство любви, созданное трубадурами, на протяжении двух столетий расцветало в сердцах на землях от Лимузен до Прованса, от Италии до Каталонии (вверху: банкет при дворе). Можно сказать, что это воспевание радостей земной любви вышло далеко за пределы «страны катаров». Однако религиозная атмосфера XIII века сильно повлияла на упадок этого искусства. К концу XIII столетия последние трубадуры, поющие при дворе Альфонсо Мудрого, ученого и благочестивого короля Кастилии, воспевали уже не даму из плоти и крови, а небесную даму, Деву Марию.

Раймонд де Мираваль (наверху), совладелец маленького *castrum* Кабарде, был одним из самых известных трубадуров своего времени; друг графа Раймонда VI Тулузского, он писал свои изысканные стихи о любви в открыто катарском контексте, и исполнял их как при дворах Кабарет и Сайсак, так и в домах Добрых Женщин в Мираваль или Отпулле. Когда пришли крестоносцы, он послал пламенный призыв королю Педро Арагонскому: «Если он сможет отвоевать Каркассон, то станет императором храбрости [...], и тогда дамы и их возлюбленные смогут вернуть себе радости любви, которые они утратили». В 1213 году Педро вступил в войну на стороне Раймонда VI, но битва при Мюрет стала катастрофой; Раймонд де Мираваль, лишенный имущества Монфором, умер в изгнании, в Лерида.

«Искусство любви» трубадуров и куртуазная культура признавали за дамами, принадлежавшими к этой аристократии, ценности сердца и мудрость любви. Обычное средиземноморское право разрешало этим дамам наследовать, пользоваться и передавать по наследству имущество, и даже разделять сеньоральную власть с другими совладельцами. Однако они часто жестоко страдали от недостатка духовной жизни. В то время на землях между Бордо и Магелон-Монпелье ощущалась реальная острая нехватка женских монастырей, и дамы, желавшие достичь спасения, после того, как они исполнили свой долг жены и матери многочисленных наследников, с интересом тянулись к этой независимой от Рима христианской Церкви. Тем более что эта Церковь не только открывала религиозные дома для женщин, но и предоставляла им священнические функции. Стало очень распространенным явлением, что эти «катарские матриархины» (по выражению Мишеля Рокбера), эти прекрасные дамы трубадуров, с наступлением первых признаков старости, начинали новую религиозную жизнь, причем, не закрываясь в глуши монастырей, а в качестве уважаемых духовных наставниц своих родственников - как, например, дама Гарсенда, мать пяти совладельцев дю Ма-Сен-Пуэль.

Многочисленное аристократическое сословие Окситании, воспитанное на светской культуре трубадуров, и часто довольно бедное из-за раздробления, вызванного обычным правом владения и наследования, добровольно становилось вольнодумным, и даже антиклерикальным. Роже Тренкавель долгое время держал в плену епископа Альби, а его друг Бернард де Сайсак в свою очередь, арестовал аббата Алета. Но при этом они часто выказывали большое уважение к катарскому клиру. Конечно же, эта аристократия другими глазами смотрела на Церковь, лишенную претензий на светскую власть. Мафре Эмергаут в своем *Бревиарии Любви* пытается морализировать по поводу поведения аристократов.

ПОДДЕРЖКА АРИСТОКРАТИИ

В Ломбере в 1165 году, как в Верфей и Альби в 1145 году, аристократия участвовала в диспутах между католическими прелатами и епископальной делегацией еретиков, открыто склоняясь на сторону последних. Сам виконт Тренкавель защищал их, и католические власти ничего не могли с этим поделать, разве что в принципе осудили тезисы Сикарда Селлерье, а также укоряли совладельцев Ломбера за слишком явные симпатии к «мерзостной секте ткачей и ариан». В 1177 году Раймонд V, граф Тулузский и искренний католик, написал генеральному капитулу ордена Сито грустное письмо, объявляя о своей готовности помочь как морально, так и военной силой, побороть ересь, которая уже структурировалась в Церкви и охватила как его прекрасное графство, так и соседние земли. Однако у меня связаны руки, - писал он дальше по сути, - мои вассалы и вассалы моих вассалов поддерживают еретиков и открыто их защищают.

Можно сказать, что мелкая и средняя аристократия окситанских бургад поставляла наибольшее количество обитателей монашеских общин Добрых Мужчин и Добрых Женщин, и даже князья не оставались в стороне: Роже Тренкавель, виконт Каркассона, Альби и Безье, вместе со своей женой Азалаис Тулузской, с большим уважением и почтением относился к еретическим христианам и их верующим. В последние годы XII столетия дамы графской семьи де Фуа становились катарскими монахинями; в Тулузе Раймонд VI, начиная с 1194 года, открыто высказывал толерантность к Добрым Людям и их епископу Тулузскому, чего не позволял себе его отец, Раймонд V.

ДОСТИГАТЬ СПАСЕНИЯ ИЗЫСКАННЫМ ПУТЕМ

В Окситании катарское христианство очень четко позиционируется как особо изысканный способ достичь спасения. Во всяком случае, оно пользовалось поддержкой правящих слоев, обеспечивавших ему свободу распространения. Соотношение сил было таково, что католические власти не могли применять политику физических репрессий, как они привыкли поступать, хватая и сжигая еретиков во всей остальной Европе.

Монахи в миру

Документы единогласно представляют нам ситуацию таким образом, что катарский евангелизм прежде всего распространялся в высшем обществе средневековой Окситании. Выходило так, что в чрезвычайно благоприятной общественной атмосфере *castrum* религиозные симпатии аристократической и культурной элиты с большим удовольствием воспринимались всем населением и перенимались как модные веяния. Например, увлечение прекрасных дам Добрыми Людьями-проповедниками и их рвение принять монашеские обеты вызвали среди местных горожанок и крестьянок волну стремления следовать их примеру религиозного призвания. А открытое расположение грандов к этой Церкви прибавило ей легитимности в глазах Христианского населения бургад.

Культура, взращенная при окситанских дворах и персонифицированная фигурами тулузского романского искусства (наверху), а также процветающая в итальянских городах, стала питательной средой и для письменной культуры катарских монахов. До нас дошло пять написанных катарами книг. Три из них - итальянского происхождения: схоластическая *Книга о двух началах* Джованни де Луджио (около 1240 года), латинский ритуал, прикрепленный к выше упомянутой рукописи, и окситанский ритуал, бытовавший в Альпах (конец XIV века), и теперь хранящийся в Дублине. Две книги - лангедокского происхождения: анонимный трактат на латыни (около 1220 года) и ритуал на окситан, хранящийся в Лионе. В этих книгах содержится настоящая христианская теологическая рефлексия.

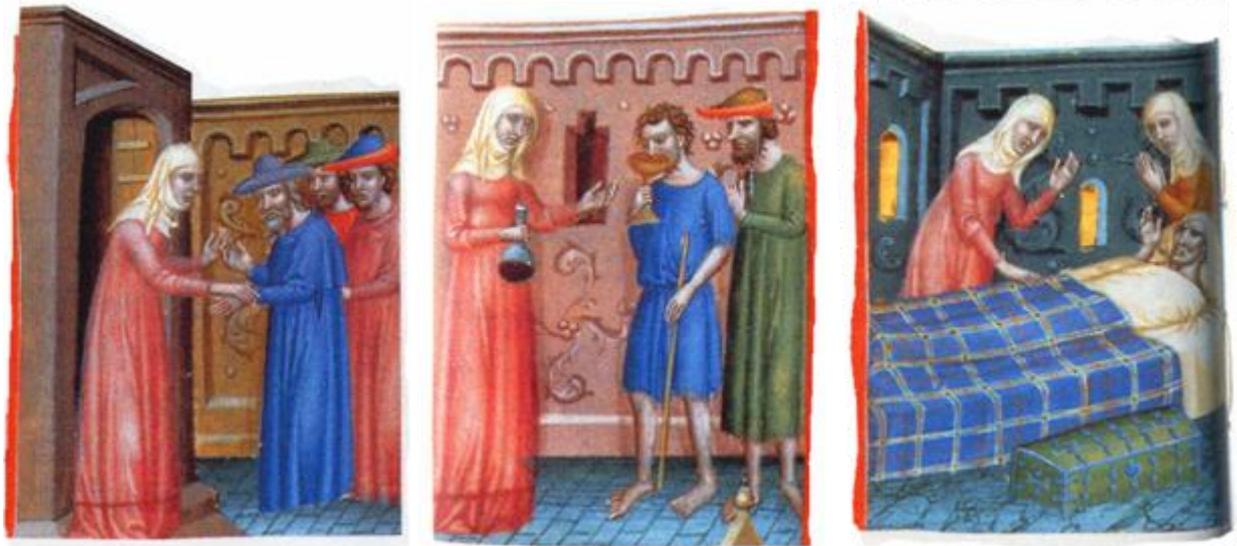
Лионский ритуал (внизу) - это текст, следующий за рукописью Катарской Библии - окситанского перевода всего комплекса Нового Завета. Это единственный катарский манускрипт с украшениями, дошедший до наших дней... Эта страница - начало *servisi*, или коллективной исповеди: «Мы собрались здесь перед Богом, и перед вами, и перед орденом святой Церкви...»

Но катаризм и сам по себе содержал достаточно аргументов, чтобы утвердить свою христианскую легитимность и вызвать народные симпатии. Попробуем описать и проанализировать эти аргументы так, как это сделали бы они сами, а не с помощью уничижительного и враждебного дискурса их противников. Достаточно взять дошедшие до нас аутентичные еретические тексты и сравнить их со всеми другими источниками, чтобы получить такую возможность. Для начала, чтобы лучше «влезть в шкуру» побежденных, а не писать с точки зрения победителей, попробуем принять терминологию, которую в то время использовали сами верующие этой религии, и отбросить чужие и унижительные прозвища, используемые обычно для их названия - еретик, катар, совершенный или совершенная, и называть их Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами или Добрыми Христианами и Добрыми Христианками.

ДОБРЫЕ МУЖЧИНЫ И ДОБРЫЕ ЖЕНЩИНЫ

В бургадах виконтства Каркассон, графства Фуа или графства Тулузского было очень много общинных домов катаров. Женские общины имели также особенные функции гостеприимства. Добрые Женщины кормили голодных за своим столом, ухаживали за больными, принимали путников, устраивали бездомных. Роль женщин в катарской Церкви была намного больше и активнее, чем у католических монахинь.

Как и их духовные братья, женщины имели право проповедовать - и в основном они это делали в домах верующих, преимущественно для женских аудиторий - и даже осуществлять, в случае необходимости, таинство спасения души. До самых времен Инквизиции, и несмотря на массовые казни на кострах во время крестовых походов, их было все еще большое количество среди катарского клира. Привязанность женщин к этой форме христианства, признавшей за ними духовный и религиозный авторитет, является одной из причин массового успеха окситанского катаризма.

Там, где политическая власть была достаточно толерантной, катарская Церковь смогла структурироваться в епископства и основать монашеские общины в бургадах графств Фуа, Тулузском, виконтствах Каркассон-Альби, а также в городах Северной Италии. Там христианство Добрых Людей представляло собой явный и видимый образ апостольской Церкви. В то время, как католические монахи до начала XIII века бежали от общества, строили свои монастыри в затерянных долинах и не показывались христианскому народу, за исключением некоторых, вещавших с кафедры цистерцианских проповедников, катарские дома открывались на тех же самых городских улицах. Они фактически предвосхитили практику монастыря в городе будущих нищенствующих орденов, для которых они создали модель и образец.

К тому же, в отличие от католических монастырей, дома Добрых Христиан были свободны от всякого затворничества: монахи и монахини могли входить и выходить свободно, и все в деревне или городке могли их видеть. Такая прозрачность и публичность была характерна и для отправления культов, литургии и ритуальной аскезы. Все жители городка или деревни могли *de visu*, наявно, наблюдать, как эти одетые в черное монахи и монахини с рвением следуют примеру апостолов, живя в бедности, целомудрии и воздержании, соблюдая только правила Евангелия, не употребляя никаких животных продуктов, отказываясь убивать даже животных и живя работой своих рук. Будучи одновременно мастерскими, школами и хосписами, дома Добрых Мужчин и Добрых Женщин представляли собой яркие очаги распространения христианства и являлись для христианского населения бургад сильной и притягательной религиозной ячейкой.

МОНАШЕСКИЙ ОРДЕН В МИРУ

Эти монашеские дома и общины каждый месяц посещал диакон, осуществлявший литургию коллективного покаяния, которая соответствовала монастырской католической исповеди. Дიაконы назначались епископальной иерархией каждой Церкви, а каждая Церковь управлялась Советом, возглавляемым епископом и двумя коадьюторами, Старшим Сыном и Младшим Сыном. После смерти епископа Старший Сын, уже фактически посвященный в сан епископа, становился

его преемником, а Церковь выбирала нового Младшего Сына. Эта организация напоминает структуру ранней христианской Церкви. Подобная организация способствовала тому, что катарское христианство стало монашеским орденом, жившим и действовавшим в миру и делившимся на несколько автономных епископальных Церквей. Оригинальные тексты часто используют термин «орден святой Церкви». Она состояла из клира, соединявшего в себе функции священнического и монашеского чина, а также верующих или верных, приветствовавших свой клир тройным ритуальным поклоном и просьбой о благословении Божьем.

Когда верующий - или верующая - встречали Доброго Мужчину или Добрую Женщину, они приветствовали их тройной просьбой о благословении, трижды склоняясь перед ними в глубоком поклоне: «Добрый Христианин (Добрая Христианка), просим благословения Божьего и вашего». На третий раз верующий добавлял: «И

молитесь за меня Богу, чтобы Он сделал из меня Доброго Христианина (Добрую Христианку) и привел к счастливому концу». Добрые Мужчины и Добрые Женщины отвечали им и благословляли. Эта формула ритуального приветствия или *melhorier*, называемая *adoratio* на инквизиторском языке, являлось признаком того, что человек считался верующим. Тех, кого инквизиторы уличали в подобной практике, вынуждали признаться и в том, что они «верили, что еретики были Добрыми Христианами, и что с их помощью можно спастись». Верующие участвовали в таинствах и ели хлеб, благословленный Добрыми Христианами, преломляемый за их столом.

Проповедники Евангелия

Но катарские монахи не только показывали пример соответствием своего образа жизни апостольскому, они также были проповедниками, которых очень любили слушать, они несли библейское слово в дома и семьи, достигая сердец тех, кого они навещали. Они читали вслух из своих книг стихи Святого Писания, переведенные с латыни, а потом комментировали их. Так они делали Евангелие доступным для ушей каждого, в то время, как священники и католический клир цитировали его только на латыни. И это было, конечно, одной из существенных причин успеха Добрых Христиан.

Не стоит, конечно, воображать, что катарские монахи проповедовали с кафедры, возможно, за исключением обучения катехизису в их школах, или в особо торжественных случаях – как, например, Гвиберт де Кастр в Монсегюре. Проповеди катаров преимущественно носили конфиденциальный характер, происходили в интимной обстановке домов верующих, часто для нескольких собравшихся, семьи и соседей. Наверху: проповедь в XIV столетии.

ПАДЕНИЕ АНГЕЛОВ И НЕВИННОСТЬ ДУШ

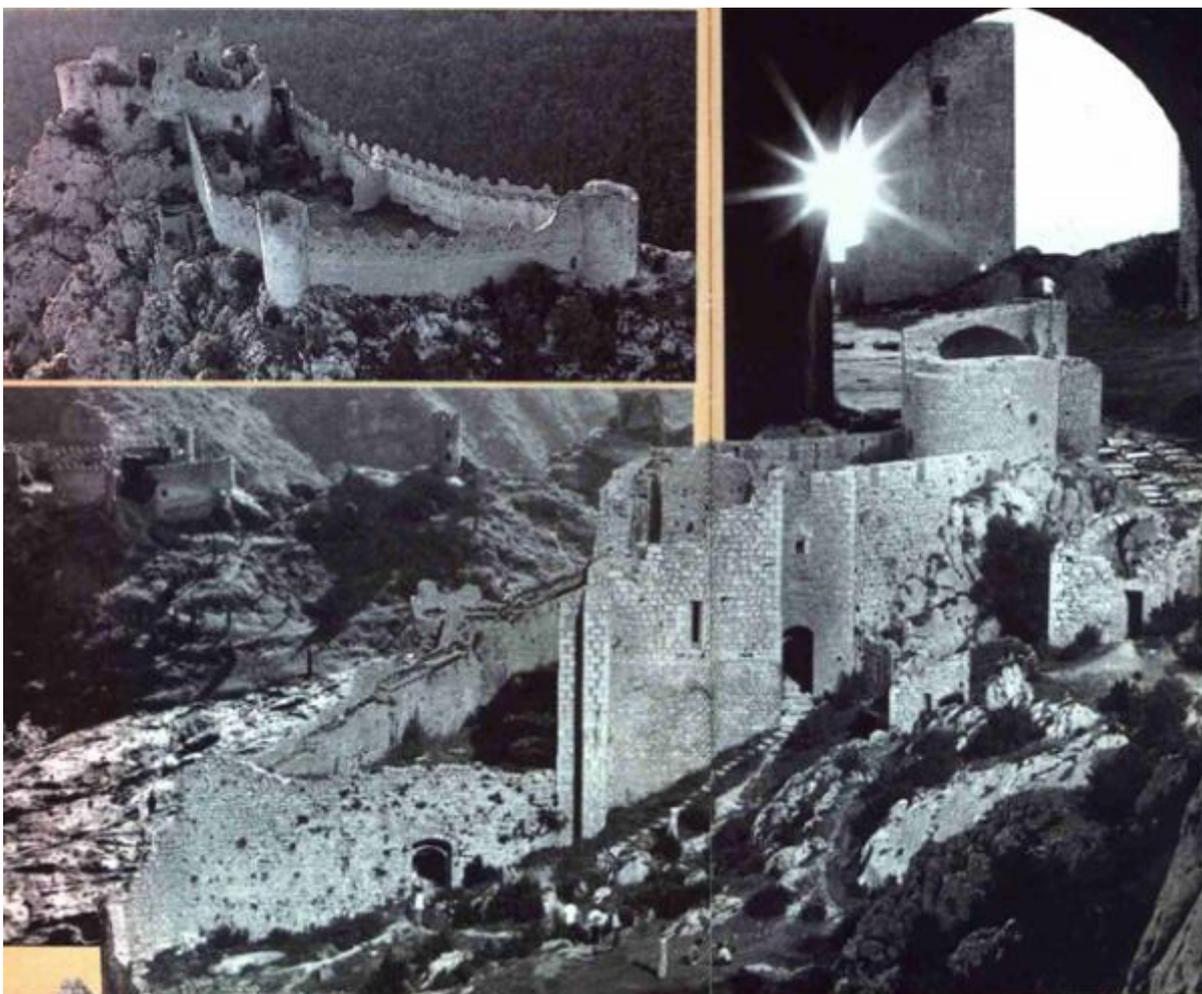

Как и все христианские проповедники, они призывали людей к обращению на дорогу спасения, указанную в Святом Писании. Однако их просвещение сосредотачивалось на реалиях невидимого, горнего мира, того Царствия Отца, провозглашенного Христом, которое «не от мира сего». Они использовали христианские мифы о падении ангелов и Люцифере, а также о битве между архангелом и злобным драконом, для подтверждения евангельского дуализма, противопоставлявшего Бога милосердия и любви реалиям этого мира, раздираемого ненавистью и переполненного ложью и смертью. В Святом Писании они видели предпочтение постулата о милосердии Божьем, постулату о Его всемогуществе; они противопоставляли Новый Завет Ветхому Завету и отказывались отождествлять Яхве/Иегову, ревнивого и насильственного творца, описанного в Книге Бытия, с Отцом, о котором говорил Христос.

Тема падения ангелов постоянно присутствует в средневековом христианском воображении, и не имеет ничего общего с неортодоксальными взглядами. Катары видели в этом мифе знак невинности душ, созданных Богом благими, но соблазненных, увлеченных в падение: они считали, что это падение произошло не из-за свободы воли, а из-за искусного дьявольского соблазна. Ангелы Божьи не могли избрать зло добровольно, и теперь они желают избавиться от него. Этим избавлением от зла в их глазах был Христос, добрый пастырь овец народа Божьего, пришедший от Отца, чтобы возвестить ангелам – душам, заключенным в этом мире, Благою Весть, Евангелие. Единственной молитвой катаров была молитва Отче Наш, которую они комментировали и торжественно произносили как прелюдию к *consolament*, делая особое ударение на фразе «Но избави нас от зла». Первый рисунок сверху – иллюстрация из рукописи XV столетия. Следующий: статуя Пастыря Доброго.

Трактуя через миф о падении ангелов библейскую тему исхода евреев из Египта, как погибших овец Израиля, которых ведет Пастырь Добрый Евангелия, они видели в человеческих душах падших ангелов, заключенных в телесные тюрьмы в мире, который во зле лежит, и который не от Бога. Согласно евангельской метафоре о добрых и дурных деревьях, повсеместно присутствующей в их проповедях, они противопоставляли добрые плоды доброго дерева и дурные плоды дурного дерева, то есть, невидимый мир света Божьего и этот мир, обреченный на разрушение и смерть злым творцом, которого они называли Люцифером или каким-нибудь другим именем дьявола. И души людей, ангелы, падшие из божественного творения, были увлечены драконом, и вместе с ним низверглись в этот мир, и теперь ожидают избавления от своей земной ссылки: обещанного Христом спасения.

Пейрепертюзе, Пюилоран, Латур, Термез, Пюиверт, Кверибюс, Рокефиксад... Под неверным названием «катарских замков» каждое лето они привлекают тысячи туристов, видящих в посещении этих руин что-то вроде путешествия к источникам катаризма. Возможно, дело в том, что если вернуть этим величественным развалинам их истинную идентичность – королевских крепостей – то это не очень поднимет их туристический рейтинг. А ведь именно в конце XIII столетия архитекторы Филиппа Смелого и Филиппа Красивого возвели вдоль границы с Арагоном, наново определенной после аннексии Лангедока французской короной и трактата в Корбей в 1258 году. Перестроенные в XVI веке, они продолжали сохранять свое стратегическое значение вплоть до Пиренейского мира 1659 года.

Эта космогония, возможно, кажущаяся нам сегодня странной и запутанной, смотрелась очень естественно в недрах христианской культуры того времени, и еретические проповедники основывали свои тезисы на целом корпусе ссылок на Писание. Именно так они интерпретировали послание Христа, Сына единственного истинного Бога, посланного Отцом в этот мир, «князем которого есть Сатана», чтобы, наконец, принести погибшим овцам, падшим ангелам, возможность спасения и возвращения на небесную родину.

Священство спасения душ

НАСЛЕДНИКИ АПОСТОЛОВ

С их точки зрения, Отец отправил Своего Сына на землю не для страданий и смерти на кресте, а как посланца, принявшего образ человека, но не в отягощенной злом плоти. Словом Евангелия, «Благой Вестью», пришел Христос напомнить падшим ангелам о потерянном рае и о любви Отчей. И задачей апостолов было нести и распространять это послание пробуждения,

адресованное всем людям. Кроме того, перед тем, как вознестись, Христос научил апостолов правилам «закона жизни», то есть, «дороги справедливости и правды» Добрых людей, отказавшихся от насилия, лжи и клятв – а также таинству, обеспечивающему спасение. Прямые наследники апостолов, Добрые Христиане, в свою очередь, претендовали на то, что они являются хранителями дара связывать и развязывать и отпускать грехи, который Христос передал Своей Церкви. Именно это является главным признаком христианской Церкви, и они демонстрировали это наследие, произнося Отче Наш, благословляя и преломляя за своим столом хлеб Слова Божьего в память о Христе. Как и протестанты, они не верили в его реальное превращение в тело Христово. Они также отводили особую роль практике таинства, смывающего грехи и спасающего души, то есть крещению Духом путем возложения рук, единственного таинства, основанного, согласно их мнению, на Новом Завете, и которое действительно зафиксировано как раннехристианский ритуал.

Спасение душ - тема, постоянно присутствующая в средневековой христианской иконографии. Справа сверху: взвешивание душ (кафедральный собор Сен-Лазар в Отюне). Слева сверху: Христос во славе.

С точки зрения католических властей, абсолютной ересью был, конечно же, не дуализм, возникший из их интерпретации Библии и постепенно развивающийся (он вполне соответствовал духу того времени), а их концепция чисто божественной природы Христа, позволившая сравнивать их с великими раннехристианскими ересями – монофизитством, адопционизмом, арианством. Катарские проповедники имели разные версии этого докетизма и христологии – кто считал Христа Сыном Божьим, кто – ангелом Божьим, посланным на землю в человеческом образе и «вотенившимся» через Деву Марию, которая тоже иногда считалась ангелом небесным. Они не придавали никакого сакрального смысла распятию – с их точки зрения, оно было только орудием страдания и смерти, орудием зла. Для них абсолютно логичным было то, что лежащий во зле мир преследовал Христа и апостолов Его, и именно потому миссией Христа было не быть преследуемым и умереть, но передать Свое послание о Спасении через Евангелие, а также таинство крещения Духом. "Ересь" катаризма ставила Пятидесятницу выше Страстей.

На улицах окситанских бургад Добрых Мужчин и Добрых Женщин встречали как «Добрых Христиан, имеющих большую силу спасать души». Суровость и апостольская модель их нравов и обычаев служила гарантией действенности той традиции спасения, носителями которой они были.

Для христианского народа, запуганного ужасами вечного проклятия, они открыли радостную надежду и проповедовали, что все души, дети истинного Бога, «созданы благими и равными между собой, и все будут спасены». Они предлагали всем верующим путь спасения через следование евангельским предписаниям и таинство *consolament* (утешение, по названию Параклета, Духа Святого «утешителя», сошедшего на апостолов в Пятидесятницу), делающее из обычного человека Доброго Христианина. Это единственное таинство заменяло им крещение, покаяние, посвящение и соборование.

Частично успех катаров объясняется тем, что они избавили средневековый христианский народ от постоянного ужаса перед Страшным Судом и вечным адом. С XII столетия катары проповедовали, что вечность является неотъемлемым признаком божественности, а зло может проявляться только во времени, оно иллюзорно и преходяще. Крещение Духом спасет все души. Нет никакого другого ада, кроме этого мира. Вверху: рельеф монастыря Санто-Доминго в Силосе, с изображением Пятидесятницы.

От 1000 года до XIV века мы видим неразрывное единство катарских и богомильских Церквей, и несмотря на тысячи различий и нюансов между их толкованием Писания, они практиковали одно и то же, единственное таинство крещения путем возложения рук, означающее Церковь апостолов. Во времена толерантности и свободы вероисповедания только епископальная иерархия резервировала за собой право уделения *consolament* посвящения послушников, оставляя остальным христианам, жившим в общинах, *consolament* больных и умирающих. Но, тем не менее, все христиане и христианки имели власть и право отпускать грехи и спасать души путем *consolament*, и когда настали времена преследований, они так и делали – в том числе и Добрые Женщины.

Христианство отсутствия Бога.

«И КАЖДАЯ ДУША БУДЕТ ЛЮБИТЬ ДРУГУЮ...»

«Пьер Отье [последний великий проповедник катаризма] говорил, что после конца света весь видимый мир будет [...] уничтожен, и это он назвал адом. Но все души человеческие окажутся тогда в раю, и в небесах будет столько же счастья для одной души, сколько и для другой; все будут спасены, и каждая душа будет любить другую, как любят своего отца, мать или своих детей...» Реестр Инквизиции Жака Фурнье.

Как уже писал об Апостолах Эвервин, и Добрые Христиане - «альбигойцы» XIII века отказывались приписывать Богу как ответственность за дела мира сего, так и власть в этом мире. Они были проповедниками Царства Божьего не от «мира сего, который во зле лежит», согласно определению апостола Иоанна. В этом мире, где открыто поле деятельности для зла, они видели единственно возможный ад, но ад преходящий, который в конце времен придет к своему концу, и который не имеет ничего общего ни с вечностью, ни с Богом, ни с Его благим творением. И что этот конец времен настанет тогда, когда все души людей будут спасены и вернуться к своему Творцу.

ЭГАЛИТАРНАЯ ТЕОЛОГИЯ

Эта версия была очень оптимистична в отношении будущего, но достаточно сурова в оценке дня сегодняшнего, устройства и иллюзорной власти мира дольнего. Она представляла собой очень оригинальную форму средневекового христианства, абсолютно лишенную средневекового символизма. Ничто видимое не могло, с точки зрения Добрых Христиан, свидетельствовать ни о славе, ни о милосердии Божьем. Ничто видимое не могло быть священным символом, ни крест, ни голубка. Они не строили ни храмов, ни часовен, не говоря уже о замках, и практиковали отправление культов и проповеди в домах близких людей, под сенью пещеры, в таверне, на лесной поляне, утверждая, что единственной Церковью Божьей является сердце человека.

Этот рационализм еще задолго до эпохи Просвещения - начиная с 1000 года - привел их к высмеиванию католических предрассудков и язвительным высказываниям наподобие: «Это не Бог дает такой прекрасный урожай, а унавоживание земли» или: «Зачем ты простираешься перед этой статуей? Разве ты забыл, что это человек взял кусок дерева и вырезал ее с помощью железный орудий?».

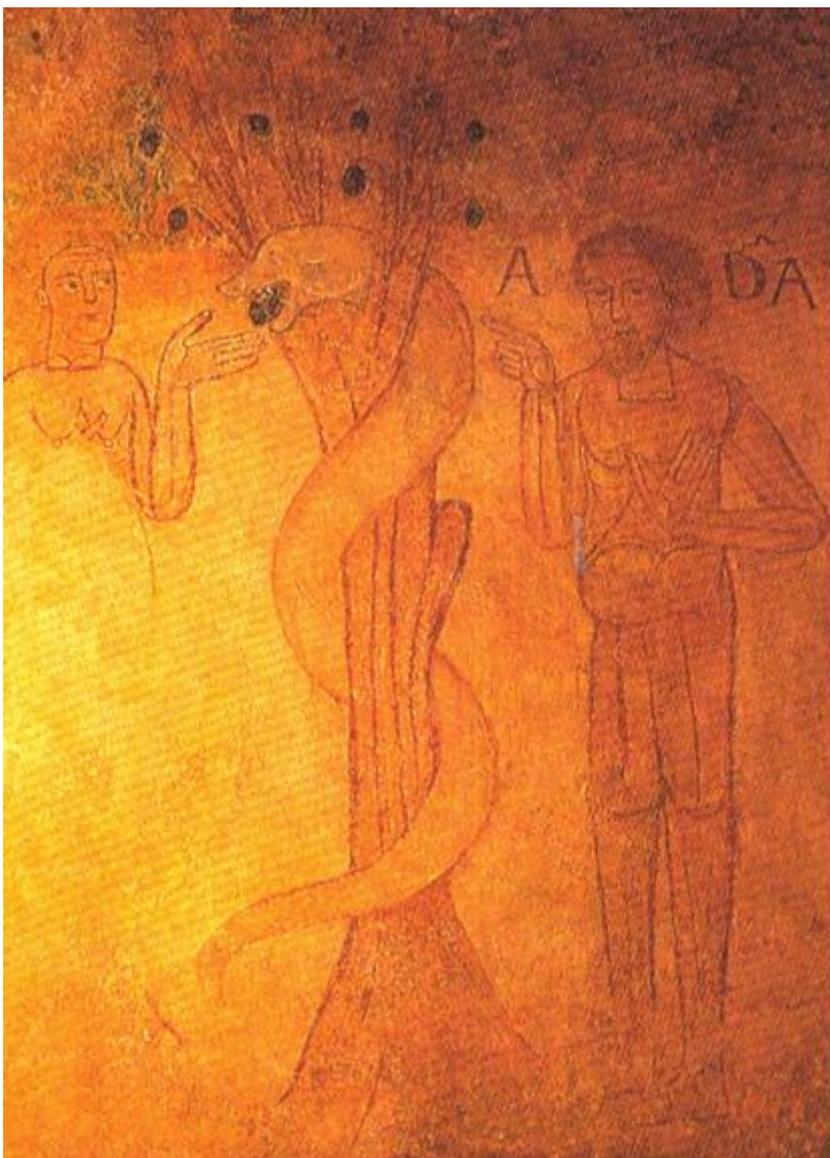
Эта вера в отсутствие Бога в мире и отрицание воплощения воли Божьей в этом мире всегда удерживало Церкви Добрых Христиан от вмешательства в дела мира - в отличие от великой Церкви, которая, как считали окситанские аристократы, слишком уж ангажируется в дела мира.

Дискоидальные стелы (слева) очень многочисленны в Лаурагэ, но их можно обнаружить также по всей Европе. Они являются памятниками более позднего народного искусства. Часто их ставили вокруг церквей, как погребальные памятники или межевые столбы. По-видимому, ошибочно считать их катарскими крестами или захоронениями. Их символика имеет общехристианский характер, а кроме того, известно, что Инквизиция разрушала и уничтожала все, что имело отношение к захоронениям еретиков.

Как не было катарского искусства, так и не существовало и катарской концепции политического и социального порядка божественного происхождения, божественного права, праведного насилия или священной войны. В этом подлунном мире, отягощенном злом и раздираемым насилием, все человеческие души, души мужчин и женщин, принцев и нищих, души еретиков и прелатов, души неверных, евреев или цистерцианских монахов, были, с их точки зрения, благими и равными между

собою, и имели божественное происхождение. И всем им, без исключения, было открыто обетование спасения по милосердию Божьему.

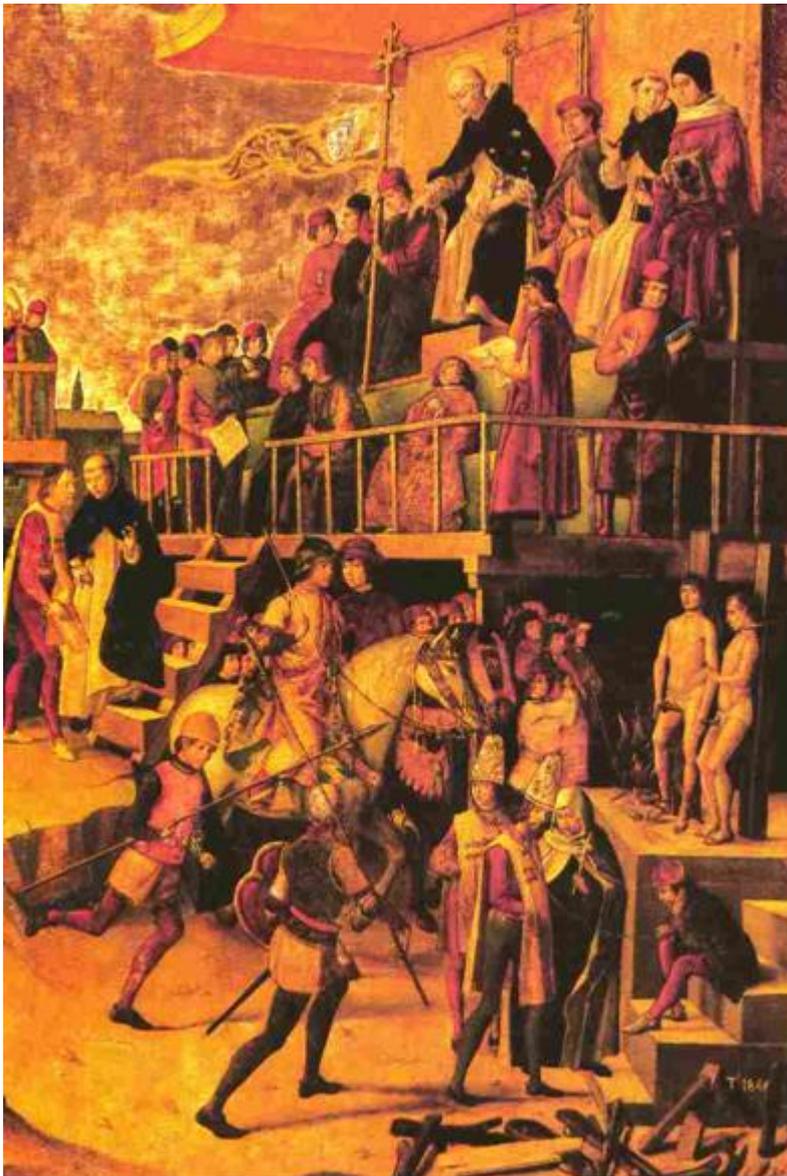
Катары не верили ни в первородный грех, ни так называемую "свободу воли" (свободу выбора между добром и злом): «Становится абсолютно непонятным, каким образом ангелы, созданные добрыми, могли возненавидеть добро, подобное им, и существовавшее вечно, а также, почему эти добрые ангелы склонились ко злу, еще не существовавшему, и полюбили его...» [Книга о двух началах]. Истинная природа всякой созданной Богом души благая. Они также освободили женщин от чувства вины «греха Евы», основанном на библейской мизогинии.

Теология катаров была абсолютно эгалитарной. Согласно ей, души евреев и сарацин будут спасены, так же, как и души инквизиторов - и это в эпоху усиливающегося антисемитизма.

В откровенно благожелательной к христианству Добрых Людей атмосфере, сосуществование между еретическими монахами и католическим клиром, как правило, происходило без столкновений. Верующие в своей массе считали себя принадлежащими сразу к обеим Церквям, полагая, что обе они с большей вероятностью спасут душу, чем одна. Такие случаи, как, например, когда католический священник мог жить в общине Добрых Людей, или что католический епископ Каркассона нимало не заботился о том, что его мать - Добрая Женщина, а двое братьев - Добрые Люди, никого не удивляли. Только времена преследований, наставшие после королевского и католического завоеваний, разрушили это общество, разорвали солидарность между людьми и даже глубинные семейные связи, и превратили еретиков в объект исключения и позора.

Была ли война лучшим средством уничтожить веру, так глубоко укоренившуюся в народной среде? Несмотря на массовые сожжения людей, крестовый поход против альбигойцев фактически стал поражением, и только победа короля развязала папе руки и дала ему возможность ввести на покоренных землях процедуру Инквизиции.

Глава четвертая

Союз папы и короля Франции

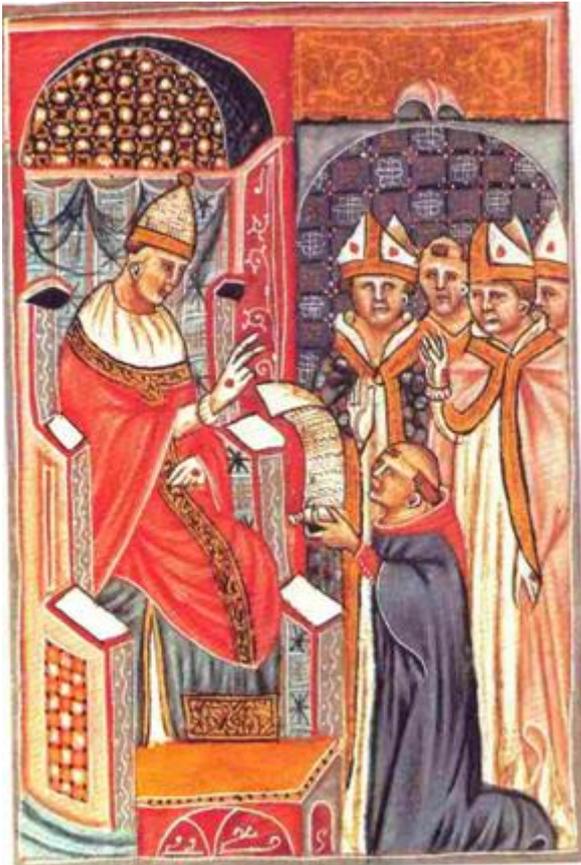

Вторжение крестоносцев в Лангедок говорит о неудаче попыток отвоевания душ путем убеждения, начатых братом Домиником (справа: видение святого Доминика), которым он посвятил несколько лет жизни в Лангедоке. Но в дальнейшем убедительность доминиканских проповедей существенно поддерживала Инквизиция.

ПОДГОТОВКА ИНКВИЗИЦИИ

Арсенал западноевропейского христианства.

В середине XII столетия католические власти - епископы и архиепископы, Соборы и папство - которые до того колебались, какие именно меры следует принимать против обнаруженных и выявленных ими еретиков, начали создавать настоящий юридический арсенал исключения и репрессий. Отныне епископы епархий, обладавшие судебными полномочиями, стали систематически разыскивать и преследовать, осуждать и казнить этих Апостолов Сатаны, именовавших себя Бедняками Христовыми.

Реймский Собор 1157 года и Веронские декреталии 1184 года стали началом так называемой епископской Инквизиции и организации первых скоординированных антиеретических мер общеевропейского масштаба. В Везелэ (1167 год), Реймсе (1180 год), Страсбурге, Лилле, Дуэ, Ла-Шаритэ-на-Луаре и других местах запылали костры. Сжигали мужчин и женщин, простых светских людей, богатых бюргеров и ученых церковных теологов. В 1200 году, в Невере, сам декан епископального капитула был осужден за ересь; а его племянник, каноник Гийом, бежал со своим товарищем в Лангедок, где Добрые Люди еще жили в мире.

Веронские декреталии, обнародованные папой Луцием III после заключения соглашения с императором Фридрихом в 1184 году, систематизировали и объединили антиеретические меры, разрабатываемые в течение всего XII столетия, и послужили началом епископской Инквизиции. Епископы регулярно и систематически объезжали приходы своих епархий и выслушивали данные под присягой свидетельства о деятельности еретиков. Это был первый шаг к созданию собственно Инквизиции, окончательно основанной папой Григорием IX в 1233 году.

Казнь еретиков

на костре имеет средневековое происхождение (слева - сцена из крестового похода против альбигойцев). Еще в IV столетии Присциллиан из Авилы был обезглавлен за ересь. Казнь огнем, по-видимому, считалась неким средством обеззараживания, потому что ересь воспринималась как болезнь, вроде чумы или проказы, «еретической заразой». Превращение еретика в пепел с теологической точки зрения было знаком его вечного проклятия. Еретики «вычеркивались из Книги Жизни». Они не участвовали в воскрешении тел в День Страшного Суда.

Еретическая Тулуза

Когда в Тулузе правил граф Раймонд V, добрый католик, папа мог посылать туда своих легатов, а папские легаты могли влиять на ситуацию, предлагая силовое решение проблемы. Так, например, в 1178 и 1181 годах легат Генрих де Марси, цистерцианский аббат из Клерво мог унижить обвиненного в ереси тулузского горожанина или даже заставить отречься самого катарского епископа, ставшего затем каноником в Сен-Сернин. Но он не мог отлучить от Церкви ни виконта Тренкавеля, ни его жену Азалаис.

Начиная с 1194 года, Раймонд VI Тулузский, толерантный - или безразличный - к Добрым Людям, чего не позволял себе его отец, прекратил всякое давление на их Церковь. С того времени цистерцианские прелаты и папский легат в Лангедоке могли бороться с еретическим евангелизмом исключительно контр-проповедями. Мало-помалу их поражение становилось повсеместным. Везде проходили свободные теологические диспуты под арбитражем и защитой местных сеньоров и в обстановке острейшего антиклерикализма. В Каркассоне, Монреале, Сервиане бывший каноник Гийом Неверский показал себя одним из лучших катарских ораторов. Во время этих горячих дебатов в Фанжу и Памье родилось призвание брата Доминика. Однажды, в 1206 году он был ранен в самое сердце катастрофическим поражением папских прелатов, мэтра Рауля де Фонтфруад и легата Пьера де Кастельно, а также потрясен тем впечатлением близости к апостольскому образцу, которое производили еретики. Он решил создать собственную «армию» и начать отвоевывать христианские души в Лангедоке, проповедуя смирение и бедность.

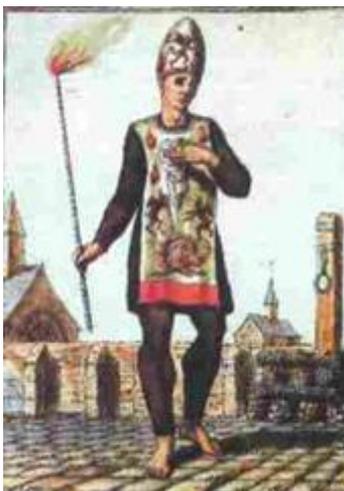

Легенда о чуде с книгой святого Доминика - явно католического происхождения. Во время одного из теологических дебатов, очень популярных в Лангедоке перед крестовыми походами, катарские и католические доктора представили свои аргументы, и светские арбитры не могли решить, кто прав. Мнения разделились. Тогда Доминик предложил довериться Суду Божьему. Книги с тезисами обеих сторон бросили в огонь, и если еретические тезисы немедленно превратились в пепел, то книга правой веры, сколько раз ее не бросали в огонь, оставалась нетронутой пламенем, а только взлетала все выше и выше, пока не ударилась о потолочную балку. Катарские теологи, не верившие ни в подобные чудеса, ни в ордалии, никогда не согласились бы на такой вид решения спора. Тем не менее, эта легенда прекрасно иллюстрирует атмосферу интеллектуального напряжения, господствовавшую перед вторжением крестоносцев. Иногда действительно было исключительно трудно присудить победу тому или иному лагерю, особенно когда спорившие обменивались пассажами из Писания и сложными схоластическими аргументами.

Однако, инициатива Доминика, стоявшего у основания ордена братьев-проповедников, или доминиканцев, не привела к особым успехам в этих свободных дискуссиях. Война, начавшаяся в 1209 году, стала явным свидетельством поражения католической контрпропаганды. Когда на площади *castrum* Лаурак, принадлежавшего приориссе дома Добрых Женщин, катарский диакон Изарн де Кастр вел теологические диспуты с вальденсами и католиками; когда вся аристократия Фанжу - дамы, рыцари и совладельцы - наслаждались блестящими проповедями Старшего Сына Гвиберта де Кастра, коадьютора катарского епископа Тулузского Госельма, папа Римский готовился восстанавливать порядок.

Иннокентий III

ПАПА-ВОИТЕЛЬ

Лотарь Конти ди Сеньи, ставший папой под именем Иннокентия III (внизу справа), был одновременно крупным юристом и искусным политиком. В духовном плане именно он разглядел и выявил призвание евангельской бедности Доминика де Гусмана и Франциска Ассизского, завершившиеся основанием нищенствующих орденов – доминиканцев, или братьев-проповедников, и францисканцев, или братьев-миноритов – сумевших обновить христианскую религиозность. Однако, через тридцать лет непримиримость и прямолинейность Церкви привела к признанию Лионских бедняков или вальденсов схизматами, а потом еретиками. Борьба против ереси с помощью казней на костре продолжалась до XVIII века. (Слева: осужденный в головном уборе в форме митры, пропитанном смолой).

Иннокентий III, папа с 1198 года – это крупный исторический деятель. Юрист по образованию, он довел до кульминационной точки идеологию понтификальной теократии и провозгласил «полноту власти» Святого Престола над суверенными правителями, «управление миром», доверенное ему Богом, заявив о себе как о «главе Европы». Можно сказать, что он посвятил восемнадцать лет своего правления реорганизации христианства на свой лад. Еще более активный, чем его предшественники, он не собирался сидеть, сложа руки, и просто смотреть, как отделяются целые пласты этого христианства, как высмеивают таинства Римской Церкви – крещение и евхаристию,

как отказываются платить десятину и потешаются над его легатами. Начиная с Латеранского Собора 1215 года, он четко и жестко определил понятие ортодоксии: это община верных, вне которой есть только тьма внешняя и вечное проклятие. Еретикам, не вписывающимся в римское кредо, должно быть отказано в помощи Божьей и солидарности общества; они должны быть вытолкнуты на маргинез, не имея где преклонить голову, и передаваться в руки судебной власти божественного права. Но имя Иннокентия III, прежде всего, связывают с организацией крестового похода против альбигойцев.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД НА ХРИСТИАНСКИЕ ЗЕМЛИ

В 1208 году, поднявшись против Тулузы под предлогом убийства его легата, цистерцианца Пьера де Кастельно, Иннокентий III призвал воинов Западной Европы к крестовому походу в христианские земли. Это было логическим завершением духа крестовых походов, возникшего в конце XI столетия и направленного против неверных. Теперь в качестве законной добычи были выставлены земли и имущество сеньоров, открыто защищавших ересь: было дозволено отбирать их добро, и праведным делом считалось их уничтожить, ибо «сие угодно Богу».

Небесные индульгенции за грехи и хорошее материальное вознаграждение в этом мире были обещаны каждому воину, кто с оружием в руках отстоит Божью честь. У короля Франции Филиппа-Августа не нашлось больше аргументов противостоять этому походу папы против его крупных вассалов в Лангедоке, и он позволил своим баронам выступить крестовым походом против графа Раймонда VI Тулузского и его племянника, молодого виконта Каркассона, Альби и Безье, Роже Тренкавеля.

Крестовый поход, начавшийся массовым убийством жителей Безье, навел ужас на население и сделал обычной практикой ужасные массовые казни на костре, совершавшиеся по приказу папского легата Арнода Амори, аббата Сито. Тот же прелат, как это демонстрирует историк Жак Берлиоз, выявил, будучи в Безье, свою прекрасную религиозную образованность, взяв темой своего знаменитого лозунга: «Убивайте всех, Бог своих узнает», изречение из Псалмов. Об этом событии он писал и папе Иннокентию III: «Отмщение Божье было превосходным, и все они были убиты...» Слева: еретики на костре, казнь в Париже, в присутствии короля Филиппа-Августа.

Через некоторое время после взятия Безье, в августе 1229 года, крестоносцы осадили Каркассон, где во время осады в их тюрьме скоропостижно скончался молодой виконт Раймонд Роже Тренкавель. Тогда был назначен новый виконт по праву завоевания, Симон де Монфор, ставший также военным лидером крестового похода.

Крестовый поход против альбигойцев

С 1209 по 1229 годы, на протяжении двадцати лет продолжалась война, опустошившая земли между долиной Роны и Керси. Ее первая фаза, крестовый поход баронов, стала поражением для папы. Несмотря на страшные массовые казни на кострах Добрых Мужчин и Добрых Женщин (140 сожженных в Минерве в 1210 г., 200 - в Кассе, 400 - в Лаворе в 1211 г.), массовые убийства мирных жителей (Безье в июле 1209 г., Марманде в 1229 г), впечатляющие осады городов и замков (Каркассона и Лавора, Термеза и Минервы), внушительные кавалерийские сражения (Монтгей в 1211 г., Мюрет в 1213 г), насаждение в Тулузе и Каркассоне, по праву завоевания, новой послушной Риму графской династии Монфоров, этот крестовый поход потерпел поражение после гибели под Тулузой в 1218 г. самого Симона де Монфора. Его сын Амори не посмел возглавить сопротивление реконкисте окситанских князей, поддержанных настоящим народным возмущением. В 1224 г. Амори де Монфор передал все свои права на Лангедок французской короне. Людовик VIII Французский, сын Филиппа-Августа, немедленно решил реализовать эти права. Так, война, к которой подстрекал и которую провозгласил папа, была продолжена королем, стремившимся к расширению территории.

После блестящей победы при Мюрет над военной коалицией Раймонда VI и Педро Арагонского (наверху), выявившей прекрасные полководческие качества Симона де Монфора (внизу), последний на Латеранском Соборе в 1215 г. предъявил амбициозные претензии на графство Тулузское, которым он желал владеть, и одновременно на виконтство Тренкавель. Он хотел быть основателем новой династии, под началом которой должен был объединиться Лангедок.

ПОБЕДА КАПЕТИНГОВ

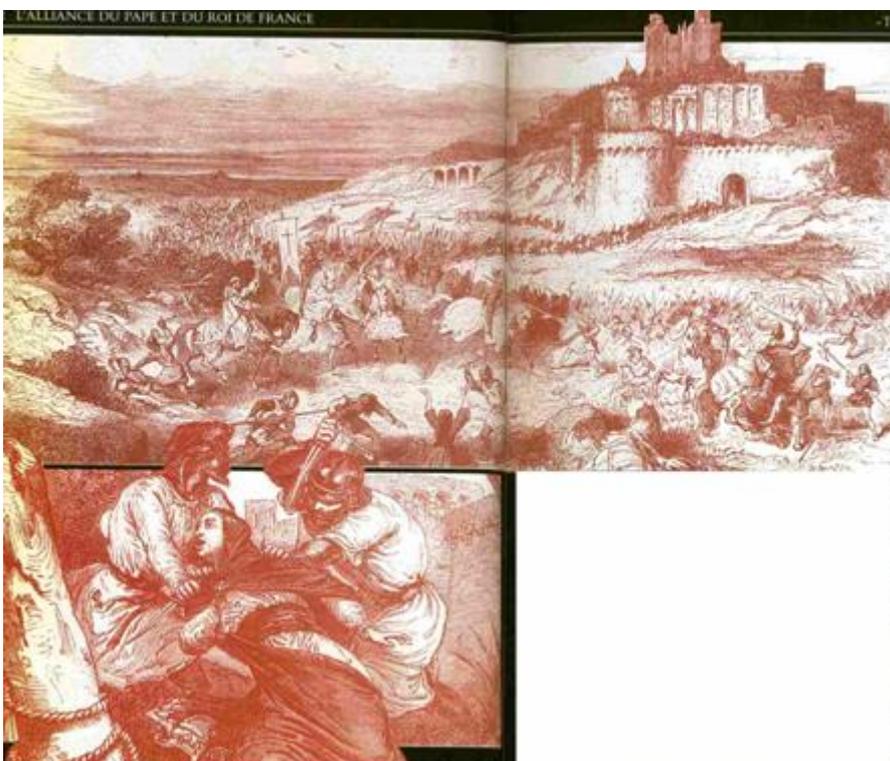

Кроме того, союз с Капетингами, представлявшими тогда наиболее грозную и колоссальную военную силу Западной Европы, давал папству возможность установить свой религиозный и моральный порядок в умиротворенных и покоренных христианских землях. Лангедок, куда вернулись как его законные сеньоры, так и Добрые Люди, начал уже забывать годы войны и массовых убийств, и не особенно-то сопротивлялся королевскому крестовому походу, начавшемуся в 1226 г. В 1229 г. Раймонд VII, молодой граф Тулузский, покорился принцу Людовику IX и его матери, регентше Бланке Кастильской. Согласно трактату в Мо, торжественно ратифицированному в Нотр-Дам де Пари, он согласился владеть своим графством только с доброй воли короля, делать все возможное для преследования ереси, срыть все военные укрепления и передать все права на тулузское наследство своей единственной дочери Жанне, которую он привез на французский двор, чтобы выдать замуж за Альфонса де Пуатье, младшего брата короля. Так был заведен механизм, неминуемо приведший к полному присоединению Лангедока к короне Капетингов. И вот в Каркассоне королевский сенешаль заменил династию Тренкавелей, лишенных собственности и живущих в ссылке в Арагоне, то есть, ставших *фаудитами*, как и многие из их вассалов.

Раймонд VII Тулузский, называемый молодым графом, был смелым полководцем и хорошим стратегом. В 1216 г. он провозгласил окситанскую реконквисту, и, возглавив ее, взял своих врагов в клещи между Бокер и Тулузой. Его боевым кличем было: *Paratge!* - слово, означавшее благородство сердца, эту эгалитаристскую ценность, разделяемую его приверженцами. Он завершил свою кампанию тем, что в 1224 г. Монфор отправился на Иль-де-Франс. Но, как и его отец, Раймонд VI в Сен-Жиль в 1209 г., так и он сам был унижен Церковью в Соборе Парижской Богородицы в 1229 г. (см. выше).

«УБЕЙТЕ ВСЕХ!...»

Крестовый поход 1209-1229 гг. привёл к ужасным зверствам. На убийство папского легата Пьера де Кастельно в 1208 г. (внизу слева), который больше других был заинтересован в войне, ответили массовыми убийствами в Безье в июле 1209 г. (слева). Потом последовали бесконечные осады городов и пленение мирных жителей. Массовые сожжения и увечья пленных совершались для того, чтобы сеять вокруг ужас. Так, по приказу Симона де Монфора в Кабарет явилась длинная процессия из сотни пленников из Брама с выколотыми глазами,

отрезанными носами и губами, ведомая одним несчастным, которому оставили один глаз. Воображение художников-романтиков XIX века часто питалось этой темой, однако, они нередко симпатизировали Симону де Монфору.

Начало подполья

В 1229 г., через двадцать лет после начала войны, когда Каркассон сделался французским сенешальством, а граф Тулузский подписал Парижский трактат, катарская Церковь всё еще жила и здравствовала. Ни крестовый поход, ни массовые костры не подорвали ее динамизма. Мало того, с тех пор она получила ореол мученической славы. Война оказалась далеко не лучшим средством искоренить веру. Но уничтожение во время королевского крестового похода практически всей южной аристократической касты, которая служила активной поддержкой и опорой диссидентской Церкви, положило начало необратимым процессам, приведшим к кризису запрещенной Церкви. Добрые Мужчины и Добрые Женщины, диаконы и епископы при содействии верующих бургад и под защитой вооруженных отрядов *фаудитов*, вынуждены были уйти в подполье. И Римская Церковь-победительница отныне была занята борьбой с этим подпольем. Ей нужно было разрушить всякое согласие между заговорщиками, разорвать все связи солидарности в этом не желавшем покоряться обществе. И эту задачу выполнила институция, которую можно назвать первой ласточкой современной тоталитарной бюрократии. Эта институция, задействовавшая юристов и специалистов по римскому праву, вышедших из стен понтификальной курии и высших школ Тулузы, звалась Трибуналом Инквизиции.

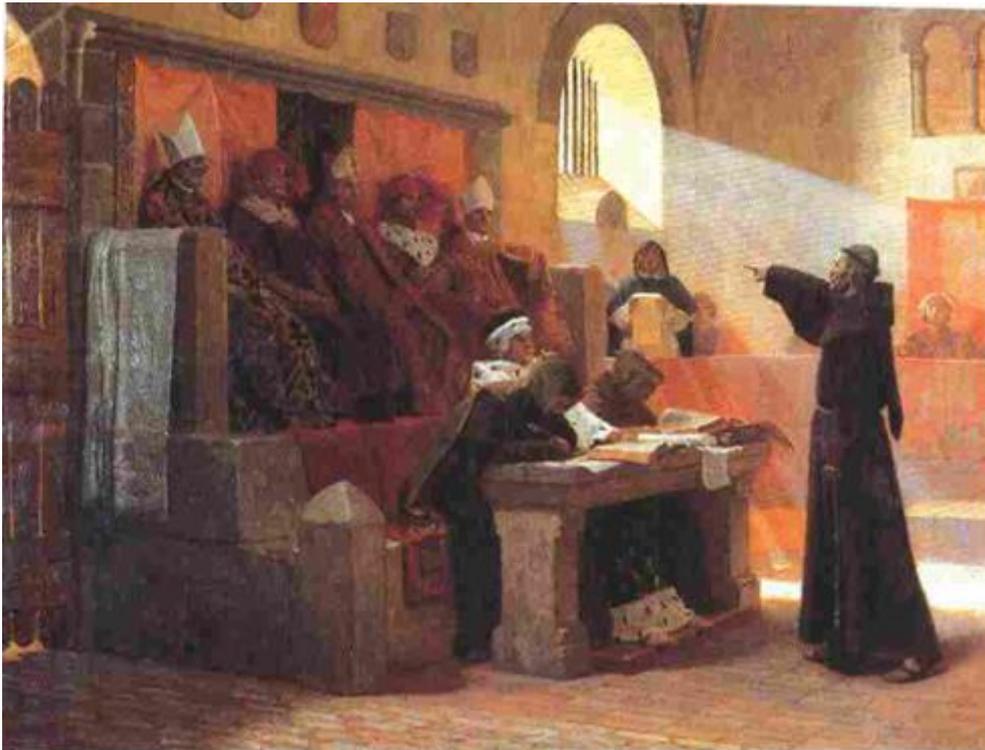
ИНКВИЗИЦИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЮРОКРАТИИ

Нищенствующие ордена и Инквизиция

Заменив собою обычные суды епископского правосудия (поскольку епископы довольно часто слишком отстаивали интересы своих епархий), доверенная новым нищенствующим орденам - францисканцам и доминиканцам - эта процедура под названием «Расследование еретических извращений» (*Inquisitio heretice pravitatis*), была основана на розыске путем тщательного сопоставления показаний и давала обвиняемому возможность защищать себя самому. Без сомнения, она представляла собой прогресс в области европейского религиозного правосудия, по сравнению с германским обычаем ордалий, испытаниями водой и каленым железом. Она стала страшной и действенной силой.

Фактически, соединяя судебные полномочия с полномочиями института покаяния, этот религиозный трибунал, не зависящий ни от кого, кроме папы, функционировал, как настоящая передвижная принудительная исповедальня. Она использовала религиозные исповеди в качестве свидетельских показаний против подпольных еретиков и их скрытых защитников. Путешествуя под эскортом солдат, окруженные писарями и нотариусами, эти судьи в каждой деревне и городе, подвергали допросам всё взрослое население, призывая всех к доносам насчет еретической заразы, этого оскорбления величества Бога.

Инквизиция убивала немногих. Ее роль состояла не в этом. Чтобы уничтожить запрещенную Церковь, ей достаточно было поймать и приговорить к смерти подпольный клир. Инквизиция расследовала, запугивала, сделала дономы системой, конфисковывала имущество, бросала в тюрьму верующих, мужчин и женщин, разыскивала еретиков. Вместо массовых сожжений времен крестовых походов, она практиковала индивидуальные казни на кострах. Ее нотариусы тщательно копировали тысячи показаний жителей городов и деревень, записывая их в картотеках массивных реестров. Кое-что из их записей дошло и до нас, предлагая нам, историкам, массу документации исключительной ценности, демонстрирующей, как население воспринимало и переживало трагедию катаров.

Процедуры Инквизиции обладали такой эффективностью из-за того, что они были сродни настоящей современной практике регистрации показаний. Эти реестры, содержавшие имена тех, кто давал показания, использовались в качестве следственных дел. После убийства инквизиторов в Авиньонет (1242), этот трибунал перестал быть передвижным, и установил постоянно действующие отделения в епископальных городах. Отныне жителей разных городов и деревень приводили для допросов к инквизиторам Альби, Тулузы или Каркассона.

Бунт Бернарда Делисье (вверху) и «каркассонское безумие» 1300-х годов демонстрируют нам разницу, возникшую между францисканцами и доминиканцами. Стоявшие вместе с доминиканцами у истоков Инквизиции, братья-минориты вскоре разделились, по крайней мере, на Юге, на «конвентуалов», подсиненных Риму, и «спиритуалов», задекларировавших, что бедность и абсолютное ненасилие соответствуют духу *poverello*, Франциска Ассизского. Тогда Инквизиция принялась жечь францисканцев-спиритуалов.

ВОЙНА ГРАФА

Монсегюр и присоединение Лангедока к Франции

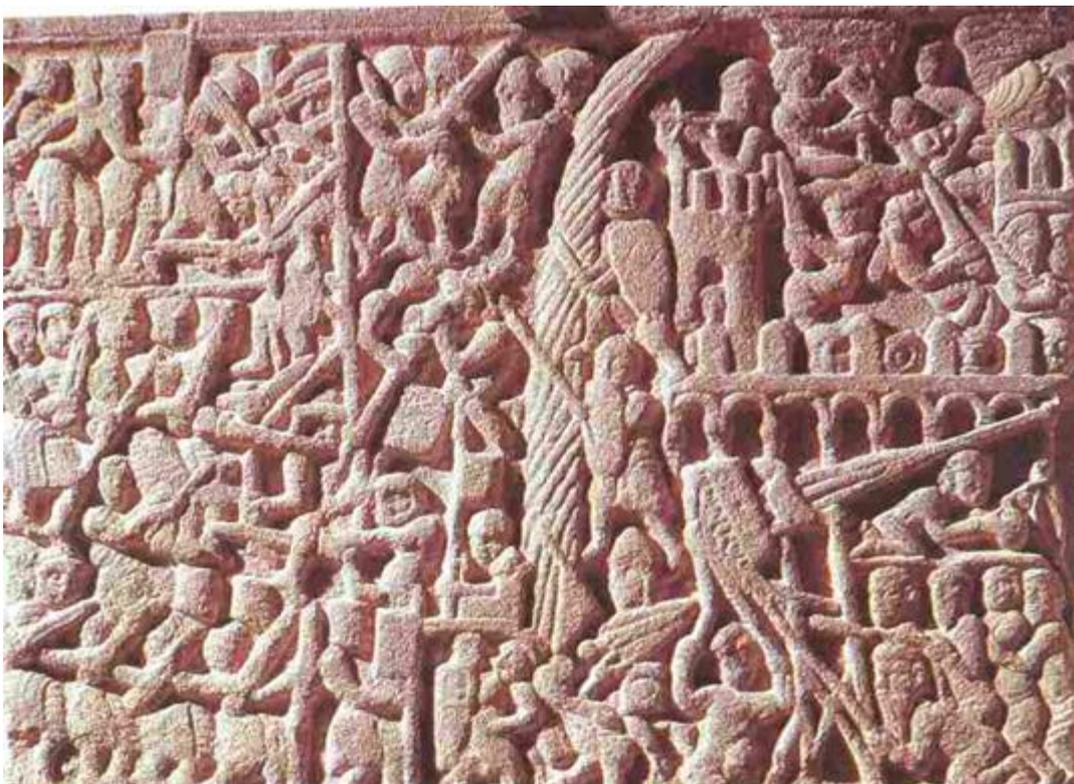
Красивый маленький замок на вершине пог - или пеш - Монсегюр - вообще не имеет отношения к эпохе катаров. Он был построен в конце XIII или начале XIV века наследником Ги де Леви, боевого товарища Симона де Монфора, завладевшим Мирпуа и землями д'Ольме по праву завоевания. Монсегюр Раймонда де Перейля, который был взят во время осады 1244 года, был горным *castrum*, фортифицированной деревней, окружавшей феодальную башню, где проживало около пятисот человек, двести из которых были катарскими монахами и монахинями. Археологические раскопки и исследования вернули истинный облик этой деревне, размещенной на склонах отвесных террас, и обнаружили скромные предметы ее повседневной жизни.

Граф Тулузский долго пытался сбросить ярмо Трактата 1229 года, подчинившего его папе и королю. Он пробовал выстроить стратегию повторного брака с Санси де Прованс или Маргаритой де ла Марш, с целью родить наследников. Но его замыслы постоянно расстраивал Святой Престол. Всё, чего он добился, то это лишь развода с Санси Арагонской, и с тех пор он был вынужден жить в полном celibate. А когда он передал все права на наследство дочери Жанне, его игра была полностью проиграна. Однако Раймонд VII мог еще рассчитывать на поддержку населения Юга, которое не очень то любило инквизиторский террор. Настоящий народный бунт начался даже в Тулузе в 1235 г., когда инквизиторы-доминиканцы начали фактически перерывать кладбища, чтобы сжигать на кострах эксгумированные трупы людей, на которых доносили как на еретиков. Граф пытался действовать и мыслить как политик, заключая союзы против короля Франции с королем Англии и графом де ла Марш и, наконец, в мае 1242 г. он послал сигнал к народному восстанию, долженствующему перерасти в войну.

Этот сигнал поступил из Монсегиора. Им была казнь инквизиторов, остановившихся со своей свитой в городке Авиньонет в Лаурагэ, отрядом *фаудитов*. Судьи - францисканец и доминиканец - были уничтожены, их реестры изорваны в клочья, а страна восстала с верой в окончательное освобождение от Инквизиции. Но союзники Тулузы потерпели поражение от французской армии под Саинте и Тайллебургом в мае 1243 г. Тогда граф подписал в Лоррис новый мирный договор с Людовиком IX, где обязался окончательно обезглавить дракона. Гидра ереси, коварные головы которой вырастают вновь и вновь, символизировал в глазах королевских и католических властей восставший castrum Монсегиор.

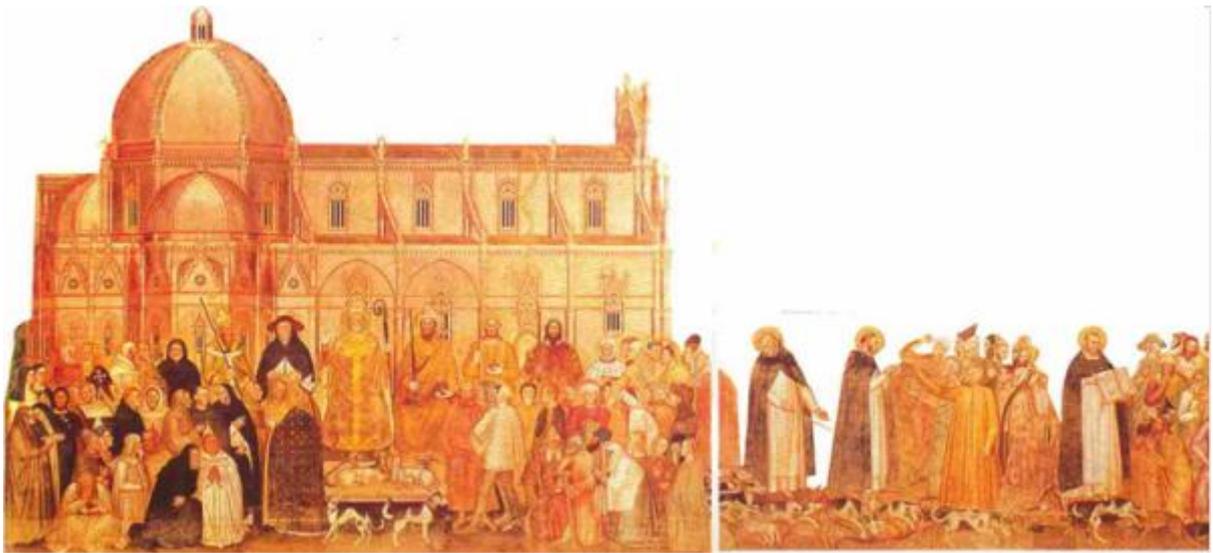
Он стал «средоточием и престолом» еретической Церкви в 1232 году, когда катарские епископы Тулузы и Разес добились приюта у сеньора этих мест, Раймонда де Перейля. Монсегиор стал также штаб-квартирой решительно настроенных *фаудитов*, преданных интересам графа Тулузского и жаждущих воевать с Инквизицией. Именно это рыцарство Монсегиора подало сигнал к восстанию экспедицией в Авиньонет, чего папство никогда ему не простило.

Монсегюр защищало его географическое положение и отвесные склоны. Пятнадцать рыцарей и пятьдесят солдат смогли почти год противостоять армии из нескольких тысяч хорошо вооруженных людей (наверху - каменная стена с изображением так называемой «осады»). После костра в Монсегюре 16 марта 1244 года Инквизиция стала допрашивать выживших. Благодаря этим свидетельствам, а также археологическим раскопкам, из-под хлама фальшивых мистерий открылась, наконец, подлинная история Монсегюра.

Будучи побежденным, Раймонд VII не мог помешать тому, чтобы огромная армия крестоносцев под руководством королевского сенешаля Каркассона взяла Монсегюр в кольцо осады летом 1243 года. Падение Монсегюра, происшедшее 16 марта 1244 года, когда на костре погибли более двух сотен Добрых Мужчин и Добрых Женщин, означало конец попыток графа Тулузского к сопротивлению. Он умер в 1249 году, уже и не пытаясь бороться с неотвратимыми последствиями договора в Мо (Парижского договора). Его единственная дочь, графиня Жанна, и его зять, Альфонс де Пуатье, который, как это и предполагалось, стал его преемником, умерли в 1271 году, не оставив наследника. С тех пор графство Тулузское стало королевским сенешальством, как это произошло полвека назад с Каркассоном и Безье. Крестовый поход, священная война, провозглашенная папой против защитников еретиков-альбигойцев, завершилась присоединением Лангедока к Франции Людовика Святого.

Вооружившись практикой Инквизиции, а также разрабатывая новые догматические нормы христианства, распространившийся по всей Европе доминиканский орден стал отныне главным орудием Воинствующей Церкви, *Ecclesia militans*, победившей и устанавливающей свои порядки Церкви (внизу).

ПОСЛЕ МОНСЕГЮРА

Последнее подполье

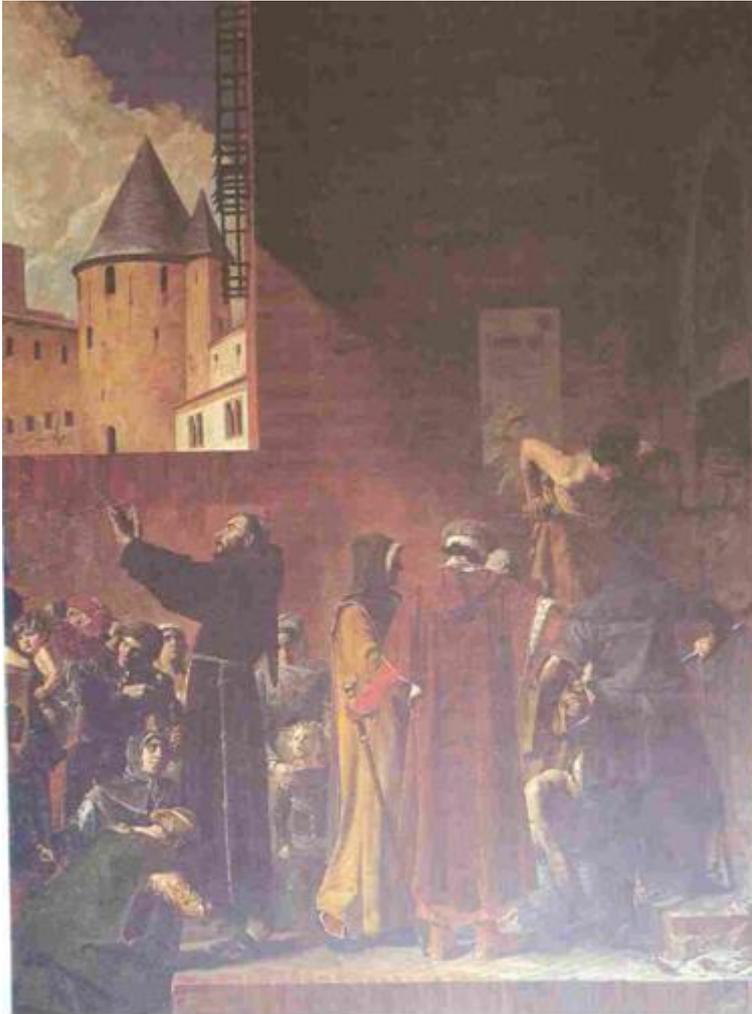
В пламени костра Монсегюра исчезли не только жившие там религиозные общины, но и все Церкви окситанского катаризма, имевшие епископальную иерархию: епископ Тулузский, Бертран Марти, епископ Разес, Раймонд Агулье, их Сыновья, их диаконы. Этот костер знаменовал собою конец организованный катарских Церквей в Лангедоке. Последнее подполье было децентрализованным. Этим подпольщикам, если они хотели выжить, оставалось либо бегство, либо отречение.

Слишком скопрометированные верующие и изолированные друг от друга Добрые Христиане стали бежать в Италию, где конфликт Гиббелинов, сторонников императора Фридриха, с Гвельфами, сторонниками папы, очень долгое время давал катарскому христианству возможность выжить. Хорошо ли, плохо ли, но окситанская церковная иерархия смогла там восстановиться. Некоторые мужественные Добрые Люди крестились, чтобы вернуться и нести доброе слово на родину. Однако Инквизиция уже не встречала сопротивления, и их предприятие было равнозначно тому, чтобы самим лезть в петлю, потому что последние проявления солидарности в этом разделенном и постоянно проверяемом обществе были вырваны с корнем. Проповеди нищенствующих орденов, обязательные мессы по воскресеньям заменили собой запретный евангелизм Добрых Людей. В то же время теологические Суммы доминиканца Фомы Аквинского стали интеллектуальным средством схоластики, нацеленной на создание и построение новой, кодифицированной ортодоксии в жестко замкнутых рамках. Во второй половине XIII столетия уничтожение катаризма было предпринято.

Этот средневековый рисунок, сделанный в очень реалистичной манере, демонстрирует, как привязывали к столбу осужденных на костер, связывая им руки за спиной. Реестры инквизитора Жака Фурнье говорят нам о подобных обстоятельствах казней. Так, во время одной из казней на городской площади Памье в начале XIV века, еретик (вальденский диакон) Раймонд де ла Коста, когда языки пламени пережгли веревки, которыми он был привязан, поднял перед собой руки, чтобы помолиться и благословить толпу. «Это преступление - сжигать такого доброго христианина», - зароптала толпа.

Будучи простым религиозным движением, катаризм мог бы покориться, но выжить. Но организованная Церковь с жесткой епископальной иерархией была разрушена инквизиторской охотой на людей и полностью вычеркнута из истории к концу Средневековья. Потому абсолютно неправдивым является то, что с XIX ст. различные секты абсурдно претендуют на его наследие.

Глава пятая

Уничтожение катаризма

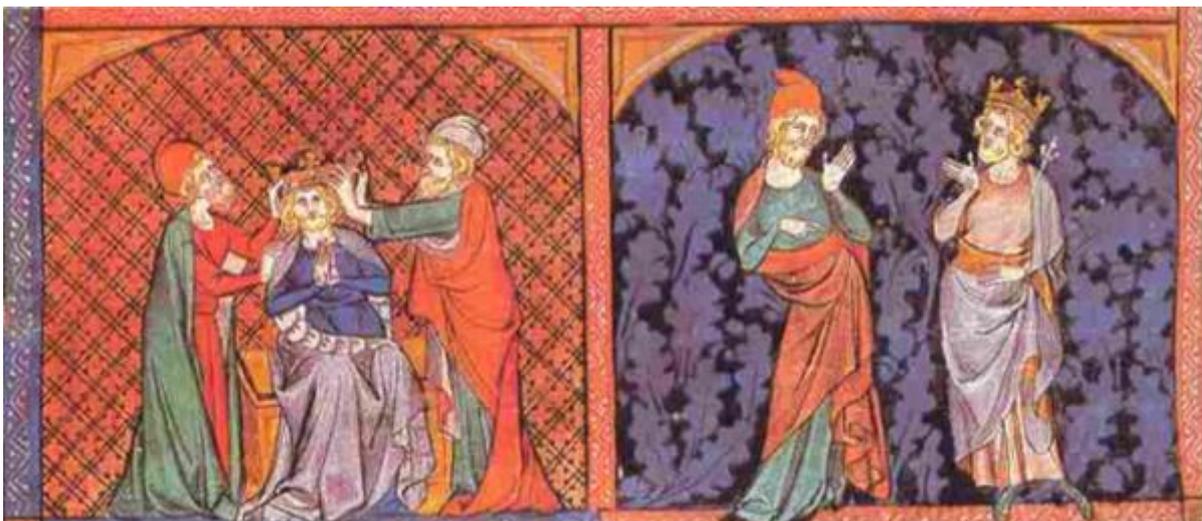
Именно в застенках Инквизиции, специальных тюрьмах под названием Мур (наверху: Бернард Делисье призывает к освобождению узников Инквизиции), где заканчивали свои дни простые верующие, исчез в XIV веке окситанский катаризм. Верующих, вновь впадших в ересь, осуждали на костер, так же как и еретиков - то есть, Добрых Людей.

ВЕЛИКИЕ ИНКВИЗИТОРЫ

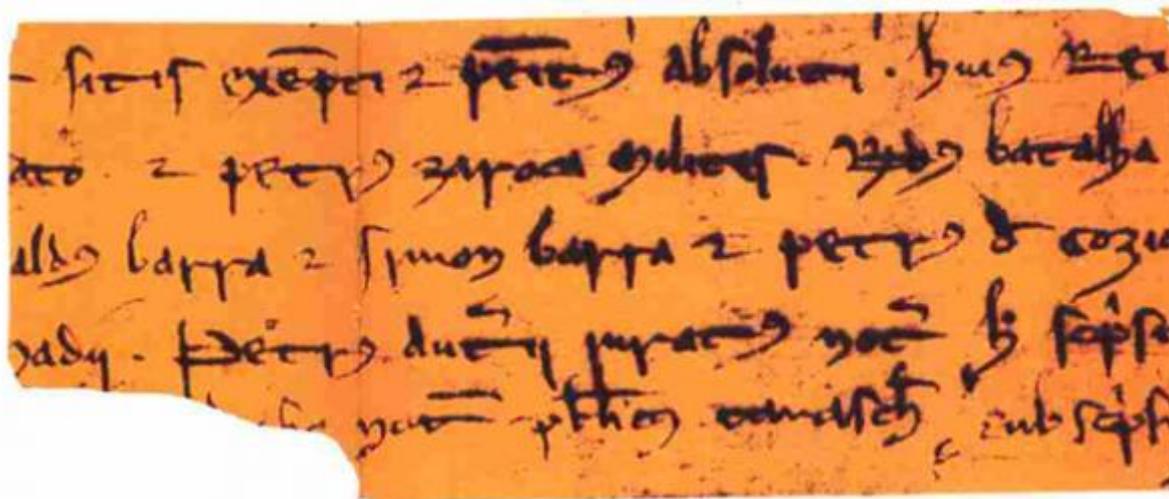
Последнее противостояние

На заре XIV столетия оказалось, что катаризм всё еще жив в Окситании. Хотя весь мир изменился, хотя в *castra* уже жил разнообразный народ - это были совсем не те *castra*, где столетием назад аристократические семьи, особенно дамы, ремесленники, торговцы и крестьяне были едины в уважении к Добрым Христианам своих бургад. Там уже господствовал иерархический сеньоральный порядок под властью короля. И вот тогда, когда в Европе стали уже появляться централизованные монархии, пытающиеся ограничить властные претензии понтификальной теократии, старый катаризм всё еще проповедовал, что этот мир, который не от Бога, неспособен распознать истинную Церковь Божью, что Церковь-преследовательница не может больше называться Церковью Христовой, и что дурное дерево приносит дурные плоды.

Последний порыв катаризма вновь раздул народные симпатии и обновил надежды. В 1300 - 1310 гг. между Пиренеями и Кверси действовала маленькая Церковь, пользовавшаяся активной поддержкой многочисленных и ревностных верующих. Но чтобы разжечь этот огонь, понадобилось очень сильное дуновение. И этот огонь раздули Пьер и Гийом Отье, двое братьев, принадлежавших к высшим классам хорошего общества графства Фуа. Эти нотариусы из Акса, ощутив внезапное и глубокое призвание, смогли найти в итальянском убежище возможность обучиться и получить крещение из рук последних катарских иерархов, которые тогда еще существовали. Они вернулись на родину как Добрые Люди незадолго до начала 1300 года и начали методическую религиозную реконкисту при поддержке своих семей, многочисленных родственников и клиентов, возобновляя старые полузабытые связи. И они достигли в этом значительных успехов.

Французская монархия и ее представители иногда в глазах населения Лангедока выглядели защитниками от злоупотреблений Инквизиции (сверху: король и божественное право, как это видели в XIII столетии).

Пьер Отье, графский нотариус до своего обращения и близкий к графу Роже Бернарду III де Фуа, был автором многочисленных официальных бумаг, особенно касающихся разделения власти в Андorre (параежа). Оригинал этого акта, относящийся к 1284 г., был написан его рукой. Сохранилась одна из сделанных им копий этого акта, содержащая его имя: *Petrus Auterii* (предпоследняя строка слева). Это единственный известный нам автограф Доброго Человека из Лангедока, притом, занимавшего далеко не последнее место.

Но между Добрыми Людьми и инквизиторами шло настоящее и грандиозное состязание на скорость. Единственной надеждой маленькой Церкви было резкое увеличение количества ее служителей. Пейре Отье вызвал целую волну призваний; он обучал и крестил новых монахов,

которые, в свою очередь могли проповедовать Евангелие и крестить. Инквизиторы, Жоффри д'Абли в Каркассоне и Бернард Ги в Тулузе ответили на это полицейскими операциями, массовыми и суровыми. Один за другим, от Монтайю до Тулузы, последние Добрые Люди были схвачены, осуждены и сожжены перед порталами кафедральных соборов. Такова была смерть катаризма, оказавшегося также жертвой строгих правил своей Церкви, которая не могла эффективно возобновлять свои кадры в атмосфере постоянного бегства, страха и травли.

Если бы катаризм был чем-то вроде протестантского движения, он мог бы уйти в подполье и переждать тяжелые времена. Но Церковь со своей структурой и иерархией, с клиром и таинствами, была обречена. В день, когда последний Добрый Человек исчез в пламени костра, как Пьер Отье перед кафедральным собором Сен-Этьен в Тулузе в апреле 1310 года, или Гийом Белибаст в Виллеруж-Терменез в 1321 году, вместе с ними исчезла и Церковь, даже если среди многочисленных верующих вера всё еще была жива. Никто не мог спонтанно стать Добрым Христианином без обучения и наложения рук другого Доброго Христианина, носителя Духа Святого.

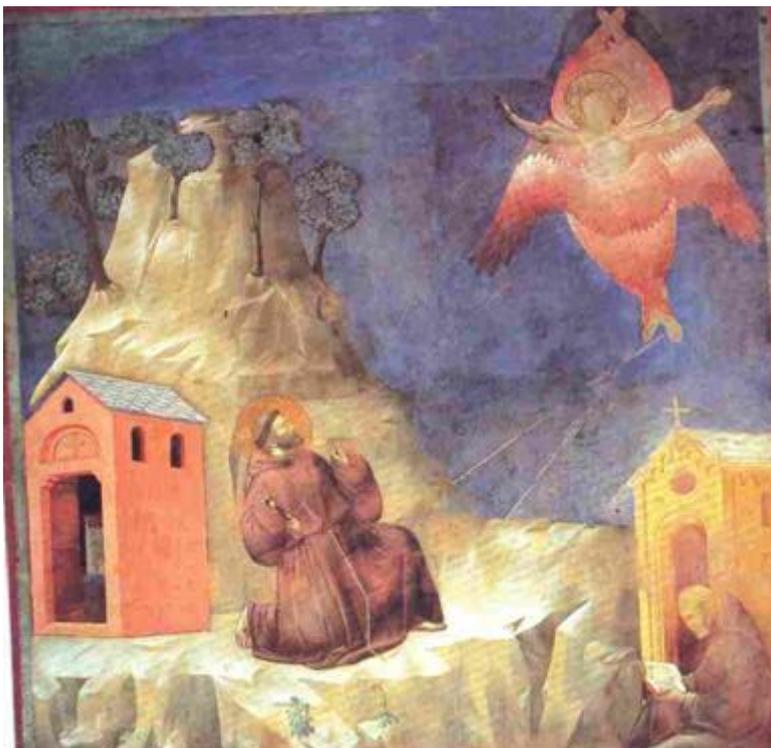
Реестры Инквизиции сохранили для нас целые отрывки из проповедей Пьера Отье, которые, словно эхо, отражают слова, сказанные почти за два столетия до него рейнскими Апостолами, описанными Эвервином де Стейнфельдом: «Есть две Церкви, одна гонима, но прощает, другая всем владеет и сдирает шкуру».

Реестры Инквизиции XIII века (слева) из-за массового характера своей документации позволяют делать статистические обобщения. Но реестры XIV столетия гораздо более богаты подробностями. Реестр Жака Фурнье (1318-1325 гг.) позволяет нам реконструировать повседневную жизнь последних трагических Добрых Людей, услышать отголоски их не лишенных юмора проповедей. Вот Гийом Белибаст объясняет, что вынужден выдавать себя за католика, чтобы избежать подозрений возможных шпионов: «В конце концов, можно молиться Богу и в храме, как и в любом другом месте (...) Облатка? Нужно совсем не иметь аппетита, чтобы не съесть эту вафельку!»

СТРАДАНИЯ ХРИСТА

Вычеркивание из истории

Инквизиция покончила с катарской Церковью в Окситании в первой половине XIV столетия. В менталитете народов Средиземноморья осталось только антиклерикальное злопамятство, которое долго не исчезало, и память о евангельских проповедях. Когда пришло время, всё это оказало свое действие, вылившись в поддержку протестантской Реформы. Но между этими эпохами христианская духовность Западной Европы претерпела глубокие изменения. Ортодоксия кодифицировалась в рамках томизма, а спиритуальность была обновлена новой францисканской мистикой. Основываясь на величии Бога, воплотившегося и пострадавшего за человечество, готическое воображение о Страстях отбросило старинный романский катаризм в область религиозности другой эпохи - времен, когда все христианство было проникнуто манихейством. Возможно, что если христианство катаров не было бы преследуемо и уничтожено, оно медленно зачахло бы само по себе?

В Италии, где Инквизиция стала функционировать с опозданием как минимум на одно поколение, катаризм был полностью искоренен к началу XV столетия. В Болгарии и Боснии, где его никогда по-настоящему не преследовали, он угас в результате турецкого завоевания. Во Франции и немецких землях постоянные преследования никогда не давали ему возможности достаточно глубоко укорениться, и он был уничтожен в кровавом насилии прединквизиторских миссий в первой половине XIII столетия. Костру Монсежюра 1244 года отвечает костер на горе Мон-Эмэ в 1239 году, в Шампани.

Стигматы Франциска Ассизского являются символом францисканской мистики воплощения.

УРОКИ ИСТОРИИ

Возвращение в историю

История ереси долгое время писалась авторами, принадлежавшими к лагерю победителей, католическими теологами, уверенными в правильности антиеретических документов, в основном обширных Сумм, написанных итальянскими доминиканскими инквизиторами XIII столетия для опровержения и уличения оппонентов. Начиная с XIX столетия эта тенденция привела к нагромождению мифов и эзотерических спекуляций, популярных и по сей день.

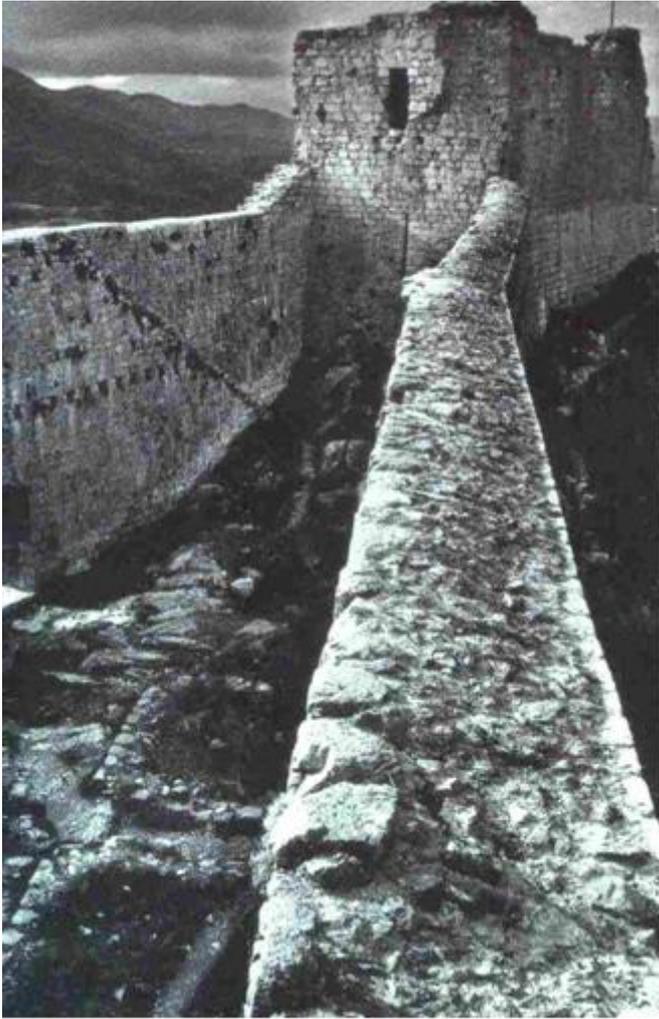
Взгляд историка должен быть спокойным. Его призвание не в том, чтобы кого-то исключать, а кого-то возвеличивать, оплакивать жертвы и судить палачей прошлого. Он должен прежде всего построить мост между теми, кто живет здесь и сейчас, и теми, кто жил раньше. Сегодня наше путешествие в мир катаризма подкреплено большим количеством прекрасных материалов, намного превосходящих те, которые были доступны комментаторам XIX столетия, не устававшими повторять, вслед за инквизиторами, что катары были средневековыми манихейцами, вредными и опасными для западноевропейского христианства - или даже восточными магами, хранителями тайн Озириса и Пифагора.

Недавние открытия - особенно те, которые были сделаны в середине XX века, и обнаружение документов аутентично катарского происхождения, двух трактатов и трех ритуалов, полностью переориентировали историческую оценку этой великой средневековой ереси, которая при ближайшем рассмотрении, оказалась намного ближе к своей «двоюродной сестре», католической религиозности, чем об этом принято думать. Возвратив эту ересь в контекст христианской культуры Средних веков, мы прекрасно видим, что ее верующие и близкие к ней люди были вполне обычными христианскими верующими. И в этом нам помогает огромный объем информации, содержащийся в архивах Инквизиции.

В течение многих столетий простой христианский и даже исключительно новозаветный характер катаризма был замаскирован извращенными представлениями о его восточном, манихейском, и даже буддийском происхождении. Но сегодня история Средних веков вернула нам истинный смысл катаризма как средиземноморского романского христианства, в контекст которого оно прекрасно вписалось.

Исторический труд должен удовлетворять, кроме всего прочего, критическому подходу, быть основанным на собрании писанных источников, и выявлять информацию, которую несут эти источники в свете их исторического содержания. Такой труд неминуемо приводит к освобождению образа средневекового еретика из-под груды злобных слухов и искажающих его мифов. Понемногу он открывает для нас звучание их речей, преисполненных евангельского ненасилия, и раздававшихся во времена христианства кафедральных соборов. Апостолы Сатаны или Бедняки Христовы, катары или Добрые Люди, они достаточно свидетельствовали о своей вере, чтобы получить, наконец, надлежащее уважение.

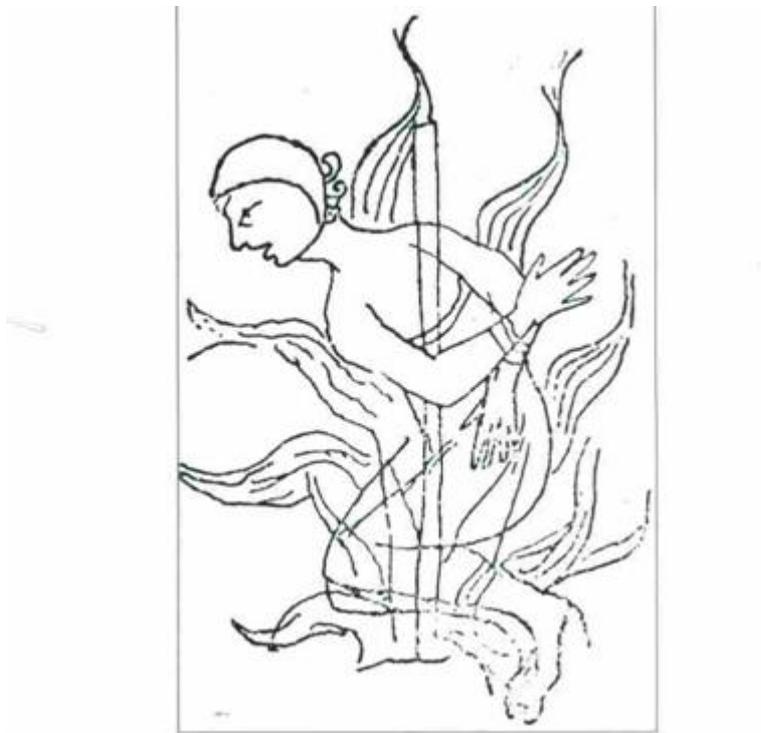
Костер Монсегиора, история о котором владеет умами, с XIX века оброс популистскими легендами, благодаря пастору Наполеону Пейра. Но благодаря ему же, он стал символом. Но не столько освободительной борьбы народа (потому что катаризм и этническая идентичность это разные вещи) или за свободу (это не очень средневековое понятие) но символом единственно достойного поведения перед вечным искушением нетолерантности.

Свидетельства и документы

«Перед тем, как быть сожженным, Пьер Отье заявил, что если бы ему дали еще раз проповедовать перед толпой, он бы всю ее обратил в свою веру».

Реестр Жака Фурнье

ПИСАНИЯ КАТАРОВ

Ритуалы и литургия катаров известны нам по трем рукописям - Лионской, Флорентийской и Дублинской, а также по многочисленным свидетельствам перед Инквизицией. Там описаны три главные церемонии: передача молитвы Господней, исповедь, и наконец, собственно consolament.

Лионский ритуал (на окситан).

Исповедь - servisi или aparalhament - это коллективная исповедь, осуществляемая перед диаконом во время его ежемесячных визитов в каждую общину.

Предстали мы пред Господом, и перед вами, и перед орденом Святой Церкви, чтобы принести покаяние и получить прощение всех грехов наших, совершенных на деле, и на словах, в мыслях и поступках, с рождения, и до дня сегодняшнего, и просим милости Божьей и вашей, дабы вы молили за нас святого Отца милосердного простить нас.

Поклонимся же Господу и покаемся в прегрешениях наших многих и тяжких перед Отцом, и Сыном и почитаемым Святым Духом, и почитаемыми нами святыми Евангелиями, и почитаемыми святыми апостолами, с молитвою, верою, и с упованием на спасение, кое ожидает христиан добродетельных и достославных, и блаженных усопших предков, и братьев, здесь присутствующих, и молим Тебя, святой Господь, дабы Ты простил нам все грехи наши. *Benedicite, parcite nobis. [...]*

О Господи, осуди и покарай пороки плоти нашей, обреченной на тлен и разрушение. Но возымей сострадание к душе, заключенной в темнице плоти, и дай нам дни и часы, и коленопреклонения, и посты и молитвы и проповеди, как это заведено у добрых христиан, дабы мы не были осуждены в Судный День как нечестивые и предатели. *Benedicite, parcite nobis.*

Принятие consolament.

Consolament или крещение Духом - единственное таинство, практикуемое катарами.

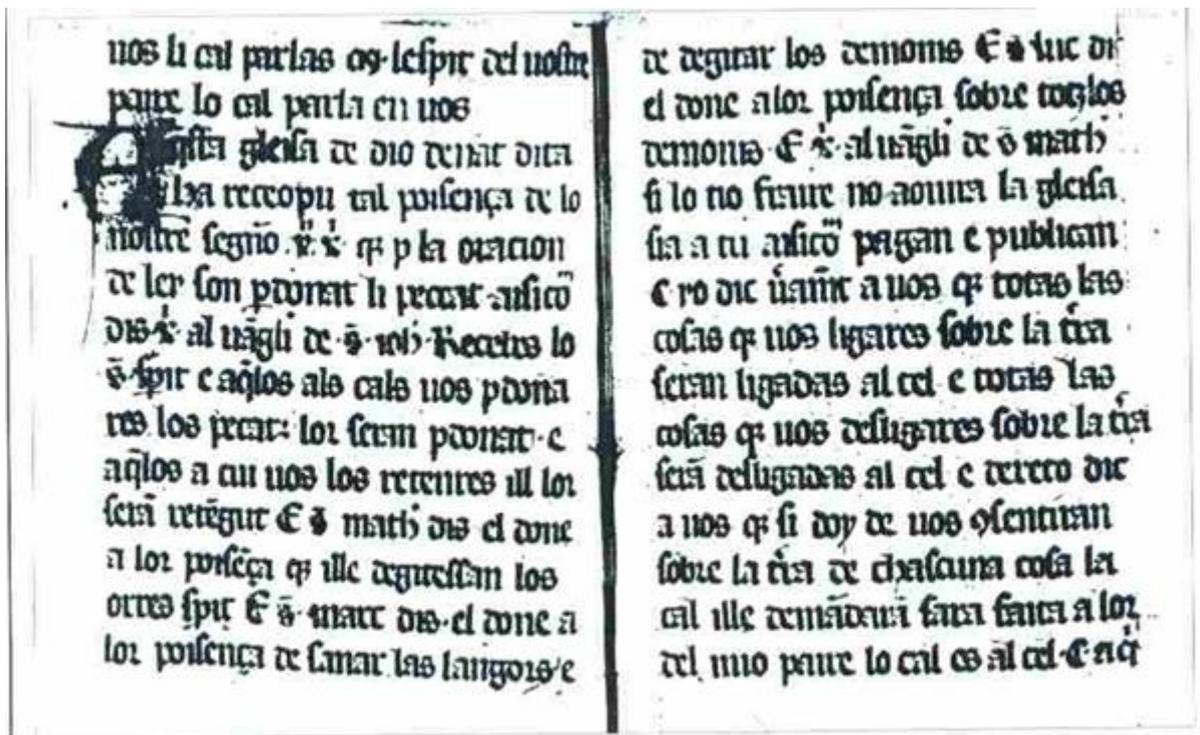
Если настало ему время получить духовное крещение, он должен совершить *melihorier* (свое «почитание») и принять Книгу из рук Старшего. Старший же должен прочесть ему наставление и назидание согласно ритуалу, как это пристало делать при крещении духовном. Должен же Старший сказать так:

«Господин Пейре (предположительное имя неопита), желаете ли Вы получить духовное крещение (*lo baptisme esperital*) и Святое Слово через возложение рук добрых людей, посредством которого в Божьей Церкви нисходит Святой Дух? [...]

Такое святое крещение, при коем даруется Святой Дух, Церковь Божья сохранила со времен апостолов до наших дней, и оно до сих пор переходит от одних добрых людей к другим, и так будет до скончания веков. Также знать Вам надо, что власть дана Церкви Божьей связывать и развязывать, и прощать грехи, и оставлять их, как сказано об этом в Евангелии от Иоанна (20: 21-23): «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся». [...]

Затем верующий совершает свое почитание (*melihorier*) и говорит: «*Parcite nobis.* За все грехи, кои я мог сотворить, или сказать, или помыслить, или совершить, я прошу прощения у Бога, у всех вас и у Церкви». И тогда христиане должны ответить: «От имени Бога, и нашего, и Церкви, пусть грехи будут Вам прощены, а мы станем молить Бога, чтобы простил их Вам». Затем они должны дать ему духовное крещение. Старший должен взять Книгу и возложить ее неопиту на голову, а другие добрые люди, должны возложить на Евангелие правые руки и произнести *Parcias*, трижды *Adoremus* и затем сказать: *Pater sancte, suscipe servum tuum in tua iusticia et mite gratiam tuam e spiritum sanctum tuum super eum* (Отче Святой, прими слугу Своего в справедливости Своей и ниспошли на него благодать Твою и Духа Святого). Затем все обращаются к Господу с молитвою, а тот, кто руководит обрядом, шепотом шестикратно читает *Pater noster (sezena)*. А когда *sezena* будет прочитана, все должны трижды произнести *Adoremus, gratia* и *parcias*. Далее все должны совершить обряд примирения друг с другом (поцелуй мира) и с Евангелием (поцеловать Евангелие). Этот же обряд совершают и простые верующие, если они присутствуют, а если среди них есть женщины, то и они также обмениваются «поцелуем мира» друг с другом и целуют Евангелие. И затем все христиане опять обращаются к Господу, дважды повторив Святое Слово (*dobla*) и совершают *veniae* (коленипреклонение и поклон).

Из «Лионского Ритуала на окситан» в книге Рене Нелли «Писания катаров», Rocher, 1995

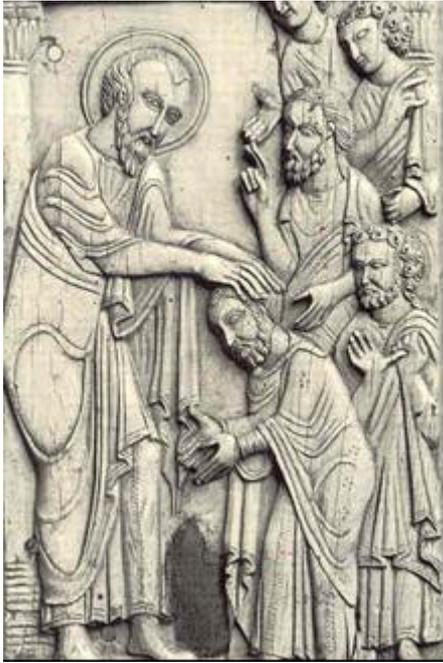
Дублинский Ритуал катаров, проповедь о Церкви Божьей.

Дублинский ритуал (на окситан)

Этот ритуал состоит из двух текстов: Глосса Pater и проповедь об истинной Церкви Божьей, определяемой по контрасту со «злой Церковью Римской».

Эта Церковь страдает от преследований и гонений и принимает мученичество во имя Христа, как и Он сам пострадал, желая искупить и спасти Церковь Свою, и чтобы жить по слову Его до скончания веков, она вынуждена терпеть преследования, позор и проклятия, как сказано в Евангелии от Святого Иоанна (Ио. 15, 20) „Если Меня гнали, будут гнать и вас”. И сказано в Евангелии от Святого Матфея (Мт. 5, 10-12) „Блаженны гонимые за правду, ибо их есть Царствие Небесное; блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.” И еще сказано (Мт. 10, 16) „Вот, Я посылаю вас как овец среди волков”. И еще: (Мт. 10, 22-23) „И будете ненавидимы всеми за имя Мое, претерпевший же до конца, спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой”.

Мы хотим заметить, что все эти слова Христа противоречат злобной Церкви Римской, ибо ее не преследуют ни ради добра, ни ради справедливости, ни ради чего иного; наоборот, именно она преследует и приговаривает к смерти всякого, кто не соглашается с ее грехами и преступлениями. И ее не гонят из города в город, наоборот, она господствует над городами, весями и провинциями, и она восседает среди роскоши мира сего, и ее боятся короли, императоры и бароны. И служители ее ни коем случае не есть овцами среди волков, а волками среди овец и козлищ. Она пытается распространить свою империю и свои налоги на христиан и на евреев, и самое главное, она преследует и приговаривает к смерти святую Церковь Христову, которая выносит это с терпением, ибо овцы не могут защищаться от волков.

Святой Павел. Рельеф из слоновой кости на спинке так называемого трона Градо, Милан

Consolament

Но вопреки всему этому, священники Церкви Римской не брезгают ничем и без зазрения совести утверждают, что это они – овцы и агнцы Христовы, и говорят, что Церковь Христа, которую они преследуют, это Церковь волков. Но эта мысль отдаёт безумием, ибо во все времена волки преследовали и убивали овец. Но очевидно в наши дни мир перевернулся, и овцы взбесились, и стали кусать, преследовать и убивать волков, а волки стали терпеливы, и дают возможность овцам пожрать себя! [...]

И потому апостол Иоанн говорит: (1 Ио. 3,13) „ О братья, не удивляйтесь, что мир ненавидит вас”.

Эта Церковь практикует духовное крещение посредством наложения рук, через которое нисходит Дух Святой. Иоанн Креститель сказал (Мт.3,11): «Идущий за мной сильнее меня...Он будет крестить вас Духом Святым...» И также, когда Господь наш Иисус Христос явился на землю с миссией спасти Своих людей, Он научил святую Церковь, чтобы она крестила других людей этим крещением, как Он сказал в Евангелии от Святого Матфея (Мт.28,19): «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа.» И в Евангелии от святого Марка Он сказал (Мк. 16,15-16): «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет.»

Но злобная Церковь Римская, распространяя обман и выдумки, говорит о том, что Христос учил крестить материальной водой, как это делал Иоанн Креститель до того, как Христос начал проповедовать. Но это можно опровергнуть по многим пунктам; ибо если крещение, практикуемое Римской Церковью - это то крещение, которому Христос научил их Церковь, тогда все те, кто не получил их крещения, будут осуждены. Ведь они крестят маленьких детей, которые не могут еще ни верить, ни видеть разницу между добром и злом, но и они без крещения, по их словам, будут осуждены.

Из «Дублинского Ритуала на окситан» в книге Рене Нелли «Писания катаров», Rocher, 1995.

Две проповеди

В памяти людей остались проповеди Пьера и Жака Отье, двух последних окситанских Добрых Людей. Они дошли до нас через свидетельства перед Инквизицией. Вот проповедь Пьера Отье, переданная Пьером Маури...

Тогда означенный еретик [Пьер Отье] взял меня за руку и усадил рядом с собой. Раймонд Пейре сидел напротив нас. Означенный еретик сказал мне тогда:

«Пьер, я так счастлив встретить тебя. Мне сказали, что ты хочешь стать добрым верующим, и если Богу так будет угодно, я покажу тебе путь к спасению Божьему, если ты захочешь мне поверить, как Христос показал Своим апостолам, которые не лгали и не обманывали. И это мы следуем их путем, и я скажу тебе причину, по которой нас называют еретиками: это потому, что мир ненавидит нас. И неудивительно, что мир ненавидит нас (1 Ио. 3, 13), ибо так же он ненавидел Господа Нашего и преследовал апостолов Его. И нас, нас самих, преследуют по причине Закона Его, которого мы твердо держимся. Ибо тех, кто жаждет Добра и желает быть твердым в своей вере, их враги, когда они попадают им в руки, распинают и побивают камнями, как они поступали с апостолами, отказывавшимися отречься от единого слова своей веры. Ибо есть две Церкви: одна гонима и прощает, а другая стремится всем завладеть и сдирает шкуру; и только та, которая гонима и прощает, следует истинным путем апостолов; она не лжет и не обманывает. А та Церковь, которая всем владеет и сдирает шкуру - это Церковь Римская».

Еретик спросил меня тогда, какую из двух Церквей я считаю лучшей. Я ему ответил, что это очень плохо - стремиться всем владеть и сдирать шкуру. Еретик тогда продолжил: «Это мы следуем путем Правды, и это мы гонимы и прощаем». И я сказал ему: «Если это правда, что это вы следуете истинным путем апостолов, почему же вы не проповедуете в храмах, как это делают священники?» На это еретик ответил: «Если бы мы делали так, то Церковь Римская незамедлительно сожгла бы нас, ибо она смертельно нас ненавидит». Я спросил его тогда: «Почему же Церковь Римская так ненавидит вас?» И он ответил: «Если бы мы имели возможность ходить и проповедовать свободно, с этой Церковью Римской никто не считался бы больше; люди предпочитали бы нашу веру их вере, ибо мы не говорим и не проповедуем ничего, кроме правды, а Церковь Римская говорит великую ложь».

... и в свидетельствах Пьера де Гаильяка перед Жоффре д'Абли

[Инквизитор] спросил меня, что говорили эти еретики [Пьер и Жак Отье] о Церкви Римской, и я ответил, что они говорили, что она не имеет власти отпускать грехи, потому что она, как они говорили, осквернила себя и делала злые дела, и подавала плохой пример, и что она больше не вела дорогой спасения, но дорогой гибели. Они говорили также, что хлеб, положенный на алтарь и благословенный теми же словами, которыми Христос благословлял его в день Тайной Вечери со Своими апостолами, не становится настоящим телом Христовым, и что наоборот, это нечестно и неистинно говорить такое, ибо этот хлеб есть хлебом преходящим, созданным и порожденным из преходящего. Но хлеб, о котором Христос говорит в Евангелии: «Примите, едите... и т.д.» (Мт. 26, 26) - это Слово Божье; и кровь, о которой говорится там же, подобна тому, что говорит Евангелие от святого Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог» (Ио. !, 1). Ибо они считают, что Слово Божье - это и есть хлеб, о котором говорится в Евангелии, и что именно это Слово является телом Христовым [...]

Я также говорю и свидетельствую о том, что они говорили, что не следует почитать распятие, и что крестное знамение ни в коем случае не может ничему служить, потому что на кресте Бог испытал смерть и страшный позор. И они приводили нам пример: Если бы человека повесили бы на дереве, то его родственники и друзья всегда бы ненавидели это дерево, проклинали бы его, и

никогда не хотели бы его видеть; то же самое можно сказать об орудии, на котором повесили Бога, которого мы любим - мы ненавидим это орудие и не можем выносить его присутствие.

Что касается крещения, то они как нечестиво, так и с досадой, говорили о божественных таинствах, практикуемых Церковью Римской, потому что в Евангелии сказано: «Те, кто уверует, будут крещены водой Духа Святого и т.д.» (Мт. 3, 11; Мк. 16, 16). Но вода, которой в Церкви Римской крестят детей, не есть водой Духа Святого, но водой материальной и преходящей, которая не может смывать грехи. А вода Духа Святого, о которой говорится в Евангелии, и которой мы должны быть крещены, как угодно Богу, - это Слово Божье и добрые дела, и тот, кто верит в это Слово и делает добрые дела, тот крещен водой Духа Святого.

Что касается походов за море, эти еретики говорили, что это не имеет никакой ценности, и что этим никакие грехи человеку не отпускаются, ибо, как сказано в Евангелии: «Кто хочет следовать за Мною, пусть отвергнется себя, возьмет крест свой и следует за Мною» (Мт. 16, 24; Мк. 8, 34; Лк. 9, 23). Воистину, Христос не определял и не устанавливал ничего такого, как крест, который одевают те, кто идет за море, этот крест из преходящей материи. Только крест добрых дел, и истинного покаяния, и послушания Слову Божьему, является крестом Христовым, и тот, кто хочет следовать за Христом, должен взять на себя именно этот крест, который не есть крестом преходящим, каковой обычно имеется в виду.

«Три проповеди» из книги Рене Нелли «Писания катаров», Rocher, 1995.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ

После капитуляции графа Раймонда VII Тулузского в 1229 году возник целый комплекс условий, позволивший выработать систему полного уничтожения ереси в Лангедоке. Папа и доминиканцы применили ее незамедлительно.

«Очистить землю от еретической порчи»

Основание Тулузского университета фактически было частью глобального проекта Римской Церкви. Это нам доподлинно известно, и со всей ясностью выражено в решениях Собора, состоявшегося в Тулузе в ноябре 1229 года и определившего новый порядок жизни в Лангедоке. Следует отметить, что те же самые люди, которые организовывали и вдохновляли этот Собор, возглавили и университетские структуры: ученый кардинал-легат Ромейн де Сен-Анже и епископ Фулько. Более того, проповедник Алинад, произносивший инаугурационную речь в университете, произносил и краткие речи при открытии и закрытии Собора. Та же идентичность наблюдается и в последующих событиях.

На повестке дня ассамблеи Собора было два пункта программы: «очистить от еретической порчи эту землю, почти лишенную веры», и «установить мир». Способ, которым собирались воплотить это на практике, достоин внимания.

Полицейские меры

Итак, это прежде всего репрессии. А именно: охота на катаров. Целью были «облеченные еретики», то есть Совершенные (относительно них никаких колебаний не наблюдалось); но также простые «верующие» или «адепты» ереси; а еще «подозреваемые», определение которых приводится в ст.18: «те, о которых кружат слухи в народе, или те, на которых укажут честные и серьезные люди, или те, которых так определит епископ». К этому списку добавлялись также и те, кто дает убежище еретикам (ст. 1 и 4), или те, которые выкажут нерадивость в их преследовании (ст. 5, 7 и 11), а еще прихожане, которые как минимум трижды в год не принимали причастия из рук католического священника (ст.13).

Разумеется, этот аппарат насилия был снабжен достаточно серьезными средствами: они очень хорошо известны и здесь нет надобности их перечислять. Возможно, более интересно будет рассмотреть обширную систему организованных доносов. Доносов, за которые полагалось вознаграждение. [...] (ст. 3 капитуляции Раймонда VII). Но также систематически планируемых, от прихода к приходу: обязанность доносить требовалась под присягой от всех мужчин старше четырнадцати и всех женщин старше двенадцати лет (ст.12). Были образованы приходские комиссии по надзору и расследованиям (ст.11); появились также списки католиков (ст. 12 и 13)...

«Мир клириков и французов»

Санкции? Они были различны в зависимости от уровня подозрений, которые вызывали индивидуумы - жертвы доносов. Начиная с запретов на профессии (запрет медицинской практики, запреты занимать публичные или частные административные должности). Далее шло ношение отличительных знаков, знаков бесчестия: это не просто желтые звезды, знаки должны были быть более видимы - кресты яркого цвета на одежде (ст.10). Затем следовало тюремное заключение (ст.11). И наконец, предусматривается передача признанных виновными для чрезвычайной юрисдикции: здесь уже место для Инквизиции, даже если она еще официально не передана доминиканцам (что было сделано в 1233 году).

Меры, долженствующие установить мир, следуют той же логике и очень умело увязаны с вышеописанными полицейскими мерами. Но только ли против катаров направлены эти меры? Если внимательно читать каноны Собора, то появляется ощущение, что категория преследуемых лиц намного шире. Проблема установления мира в Лангедоке стояла уже как минимум двести лет. Установление гражданского мира и прекращение грабежей аристократии, насилия и подати которой обескровливали крестьян во всей Европе, было фундаментальным народным требованием XI века. Церковь, которая тогда была ближе к народу, выступала, хотя бы частично, за удовлетворение этих требований. Таким образом родилось движение Мира Божьего, когда проходили многочисленные мирные собрания, члены которых были связаны клятвами взаимной помощи. Собор 1229 года вроде бы продолжает линию древних собраний Мира (ст. 21, 22 о борьбе против злоупотреблений податями), но при этом он действует таким образом, что выворачивает наизнанку саму идею Мира. Отныне мир - это ничто иное, как порядок, установленный положениями «Парижского Трактата». И все институты мира обязаны быть на службе у Церкви и короля, гарантируя установление именно такого порядка. «Нарушители мира» идентифицируются с врагами Церкви и короля. Кто же они? Прежде всего, это *фаудиты*, то есть многочисленные рыцари, лишённые своих замков и владений во время и после крестовых походов, провозглашенные вне закона, но продолжающие свою борьбу открыто или в подполье. Против этих «террористов» Собор принимает арсенал заурядно классических мер: ассимиляция участников сопротивления с нарушителями общего и обычного права (ст.36), взятие в заложники членов их семей (ст. 30, 31), организация карательных экспедиций для охоты на людей (ст.39) и т.д.

Покаянная церемония, сопровождавшая Парижский Трактат. В присутствии короля Людовика IX, граф Раймонд VII получает отпущение грехов из рук кардинала де Сен-Анже, папского легата.

Но кроме этих постановлений, касающихся конкретных ситуаций, следует, возможно, проанализировать сам общий дух этого Собора и, таким образом, почувствовать в полной мере и атмосферу 1229 года, и новой наступающей эпохи. Кроме катаризма, на осуждение были обречены любые диссидентские движения и разномыслия. Например, ожесточенная политика засыпания подземелий (ст. 1 и 3) - *cluzel*, как они называются на средневековых картах - имело целью довести до полного уничтожения старые языческие автохтонные культы земли и Богини-Матери. Благодаря археологическим раскопкам, мы сегодня знаем, что такие культы были все еще очень популярны на протяжении всего высокого Средневековья. Евреи тоже получили свое, если не прямо в актах Собора, то по крайней мере в постановлениях «Парижского Трактата». Если раньше к ним относились с большой толерантностью и даже допускали на высокие должности, то теперь они тоже, кажется, стали козлами отпущения триумфа ортодоксии. Все это отразилось даже на социальном и политическом плане: все коалиции, лиги, ассоциации, существовавшие ранее, были распущены, и было запрещено, под страхом строгих наказаний, создавать новые (ст.38). Мятежи вассалов против сеньоров были приравнены к святотатству (ст.34). А отлучение уже не ограничивалось юрисдикцией исключительно религиозных вопросов, но угрожало всякому, кто осмелится посягнуть на церковные земли и королевские крепости (ст.39).

И, наконец, ультимативное следствие этой репрессивной логики: запрещено было само Евангелие (ст.14). Даже изложенное на латыни, оно оказалось слишком разрушительным, чтобы отдавать его в руки верных. Было разрешено чтение некоторых благочестивых книг, но при условии, что они не будут переводиться на народный язык. В таких условиях, какие еще интерпретации Слова Божьего оставались людям? Только истолкование клириков, установленное священнической «кастой», закрытой от других и сформированной исключительно на базе образования Докторов университета.

П.Бонасси, Г.Прадили. Капитуляция Раймонда VII и основание Тулузского университета (1229-1979), Издание Тулузского университета - Le Mirail, 1979.

Акты Тулузского Собора

1. В каждом приходе, городском или сельском, архиепископы и епископы должны принять клятву от священника и двух или трех мирян хорошей репутации (или большего количества при необходимости), что они обязуются разыскивать еретиков, живущих на территории этого прихода. И они должны делать это, выказывая рвение, верность и усердие, исследуя каждый подозрительный дом и подвал, в том числе пристройки и чердаки, и все возможные укрытия, которые следует разрушить. И если они обнаружат еретиков, или их адептов, пропагандистов, или лиц, предоставляющих им убежище и защиту, то после того, как они примут все возможные меры, чтобы те не сбежали, они должны поспешить к архиепископу, чтобы донести на них, или к местным сеньорам, или к их бальи, чтобы еретики понесли заслуженную кару.
2. Аббаты должны выполнять эти предписания на своих землях, если те не подчинены приходской юрисдикции.
3. Сеньоры должны также учинять розыск еретиков в сельской местности, домах и лесах; они должны также разрушать пристройки, дополнительные строения и все возможные подземные убежища.
4. Если кто-нибудь умышленно оставит еретика жить на своих землях, за деньги или по иной причине, и если эти факты откроются, и он в них признается, такой человек навсегда теряет свое имущество, а самого его передадут сеньору, который имеет на него право.

5. Если его участие не доказано, но будет ясно, что он из халатности оставил еретиков на своих землях, или его в этом обвиняют, он будет подвергнут вышеуказанным наказаниям.
6. Дом, в котором укрывался еретик, должен быть разрушен, а земля, на которой он построен, конфискована.
7. Если бальи в той местности или месте, где подозревают присутствие еретиков, демонстрирует небольшой интерес или желание их разыскивать, его имущество должно быть конфисковано. Кроме того, он не может быть больше бальи или занимать подобные должности. [...]
9. Все должны участвовать в розыске и аресте еретиков, в том числе и на чужих землях; местные бальи должны принести присягу, что будут сотрудничать с этим розыском. Также бальи короля может проводить розыск на землях графа Тулузского или других сеньоров, и наоборот.
10. Если облеченные еретики отрекутся спонтанно от ереси, чтобы вернуться к католической вере, после того, как признают свои ошибки, то они не могут больше жить там, где жили раньше, поскольку эта местность подозрительна в ереси. В знак отказа от своих прошлых ошибок они должны носить два креста, очень четко различимых, и другого цвета, чем их одежда, один с правой стороны, другой - с левой. Ношения крестов недостаточно для прощения, необходимо также получение писем примирения от епископа, пожалованных при свидетелях. Эти кающиеся еретики должны быть исключены из всех занимаемых публичных должностей, признаны юридически недееспособными, разве что папа или его легат не вернут им их прав, смягчая их покаяние.
11. Еретики, которые из страха смерти или по другим причинам, но не спонтанно, воссоединятся с католической верой, должны быть помещены епископом в застенки (*in muro*) для отбытия покаяния; и нужно следить, чтобы они никого не заразили. Те, кто получит назад свое имущество, могут использовать его для своих нужд, согласно директивам епископа

1244 - МОНСЕГЮР

Ни храм, ни даже катарский замок - французская крепость Монсегиюр была возведена через пятьдесят лет после драмы 1244 года на вершине скальной платформы «пог», на руинах castrum Раймонда де Перейля. Монсегиюр на самом деле больше деревня, чем замок.

Пепел свободы

Не стоит говорить, что попытка вернуть Монсегиюр истории означает попытку извлечь пользу из того, что нам известно. Только с этим знанием следует обращаться с как можно большей осторожностью и осмотрительностью, чтобы не утратить ничего из трагического величия его судьбы.

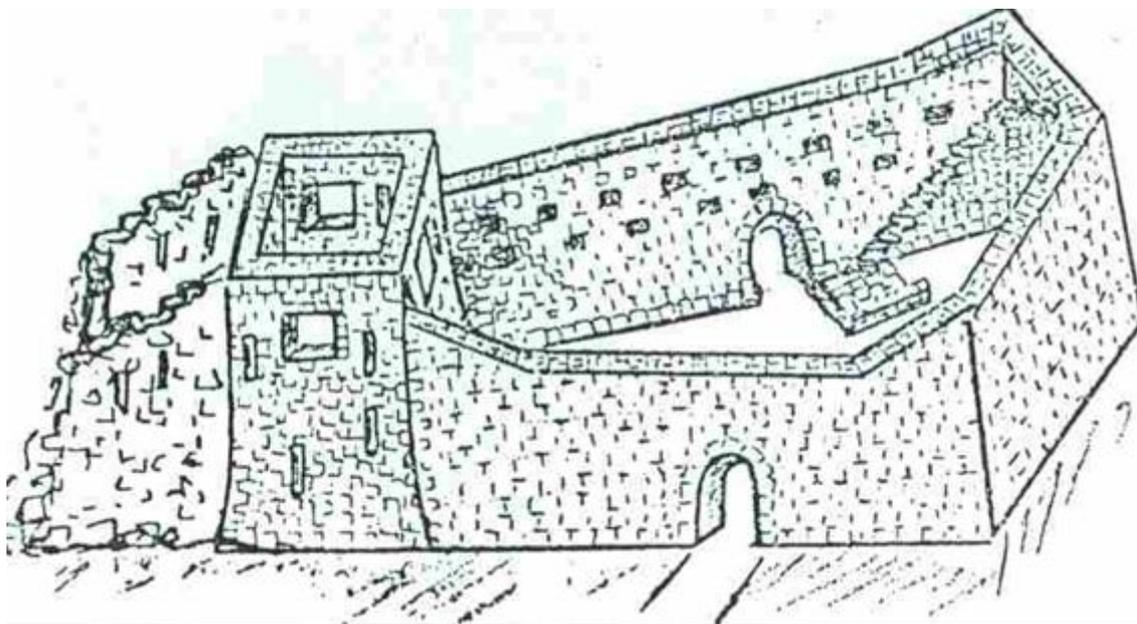
Начнем с того, что Монсегиюр никогда не был ни соляным храмом, где катары отмечали «манихейские» празднества или дни солнцестояния (день летнего солнцестояния - это праздник святого Иоанна Крестителя, которого они недолюбливали). Эта гора не содержала ни подземных ходов, ни хранилищ, и никакой подземный собор никогда не скрывал могилы Экскармонды де Фуа. Монсегиюр никогда не был замком Грааля, этого евхаристического символа, с которым катары не знали бы, что делать, потому что они не верили в реальное присутствие тела и крови в хлебе и вине и посмеивались над католическим причастием. Монсегиюр не испускал ни теллургических, ни космических излучений, и этот замок никогда не лежал вдоль оси мироздания. Итак, нам нечего делать со всем этим, наоборот, это всего лишь мишура, нашиваемая то одними, то другими на покров, за которым пытаются скрыть Монсегиюр, огромный покров всяческого вздора, чтобы замаскировать и заглушить его истинный смысл - историю отчаянной и печальной борьбы с безжалостной властью, внутреннюю силу мужчин и женщин, придавшую им твердость перед лицом костра. Высшую форму свободы - свободы совести, свободы верить по собственному выбору.

Рассмотренная в этом человеческом измерении, в плоти и крови, история Монсегюра становится еще более величественной.

Мишель Рокбер. Вступление к книге «Монсегюр, пепел свободы», Privat, 1992.

Дорога в Монсегюр. Внизу - план французского замка.

История катаров Монсегюра

Монсегюр - это горный *castrum*, построенный на возвышенности, фортифицированный, заселенный, долгое время остававшийся вне театра военных действий. Анклав тулузского сюзерена на землях графа де Фуа, он принадлежал сеньорам де Перейль, вся семья которых была предана христианству Добрых Людей. В первые годы XIII столетия это место, возможно, разрушенное после большой войны между Барселоной и Тулузой в конце XII столетия, стало убежищем для еретических общин, собравшихся в этой деревне. Бывшая владелица этих мест, Форнейра де Перейль, стала Доброй Христианкой. Ее сын Раймонд, молодой сеньор, поселился здесь с начала крестового похода и основал семью.

Во времена крестового похода баронов, Монсегюр служил убежищем для женщин и детей аристократии Фанжу, а также для иерархии Тулузской Церкви, епископа Госсельма и его Старшего Сына, Гвиберта де Кастра. После покорения графа и Парижского Трактата, начиная с

1229 года, эта вершина привлекла также все окружение семьи де Перейлей, которые вскоре были заочно осуждены Инквизицией, всех их родственников и союзников, не покорившихся и ставших файдитами. Так собралось небольшое рыцарство, вместе с дамами и сеньорами, их людьми и солдатами. *Castrum* строился вокруг старой феодальной башни Перейлей.

Начиная с 1232 года, Раймонд де Перейль соглашается принять в Монсегюре иерархию подпольных катарских Церквей - Тулузской, а возможно, Разес и Аженуа. Это был центр политического и военного сопротивления, связанный с графом Тулузским. Но Монсегюр был также и центром религиозного сопротивления, и, во главе с епископом Гвибертом де Кастром, превратился в престол и средоточие запрещенной Церкви. Монсегюр стал гнездом, из которого нисходили опасные миссии подпольных Добрых Мужчин и Женщин в низинные земли, стал сердцем живой религиозной надежды, куда обращались верующие и больные в поисках счастливого конца.

Все больше становилось монашеских домов, возводившихся на укрепленных террасах деревни и крепившихся к крутому скальному склону, нависавшему над пропастью. Скромные и непрочные убежища из дерева и глины, соединенные лестницами и сплетением улиц. В общинах Добрые Женщины пряли и шили, а Добрые Мужчины кроили куртки и камзолы. Мельниками и пекарями этой деревни тоже были Добрые Христиане. Население этой странной деревни состояло из монахов и вооруженных людей, женщин и детей.

В осложняющейся политической обстановке Раймонд де Перейль выдал замуж свою старшую дочь Филиппу за Пьера-Роже де Мирпуа, рыцаря, способного стать военным лидером, и разделил с ним право владения Монсегюром. В 1240 году Пьер-Роже вместе со своими файдитами участвовал в восстании Раймонда Тренкавеля. В мае 1242 года именно он, по просьбе эмиссара графа Тулузского, организовал карательную экспедицию в Авиньонет, вместе с другим великим файдитом, скрывавшимся в лесах Лаурагэ, Пьером де Мазеролль.

Экспедиция в Авиньонет

Когда граф вступил в союз с королем Англии и графом де Ла Марш, то сигналом к объявлению войны стала казнь двух инквизиторов: доминиканца Гийома Арнода и францисканца Этьена де Сен-Тыбери. Это произошло в Авиньонет (Лаурагэ), где остановился их странствующий трибунал. Рыцари и солдаты Монсегюра фактически стали рукой графа, которая нанесла удар. Инквизиторы и их свита были зарублены, а реестры с исповедями-признаниями-доносами разорваны в клочья. Когда население узнало эту новость, раздались крики радости: «*Cocula carta es trecada!*» (Эти ё...ные реестры разодраны на куски!), весь край восстал, и вступление графа в войну против короля Франции стало неотвратимым.

Однако дело кончилось плохо. Союзники были побеждены французской армией при Сайнте и Тайллебурге, и война была проиграна. Граф заключил мир с королем в Лоррис в 1243 году, и край снова подчинился. Теперь нужно было расплачиваться кровью. Карательная экспедиция в Авиньонет, мишенью которой стали люди Церкви, пользующиеся особой неприкосновенностью, сделала Монсегюр видимым для сильных мира сего, папы Римского и короля Франции. Обезглавить гидру, приказала регентша Бланка Кастильская.

В начале лета 1243 года армия крестоносцев, собранная епископами Южных земель, под руководством королевского сенешаля Каркассона, осадила пеш Монсегюр. Пьер-Роже де Мирпуа попытался обеспечить *castrum* запасами, собирая по деревням зерно и реквизируя скот. Высокогорный *castrum* был защищен своей чудовищно высокой стратегической позицией, но ситуация была такой, что чуть более пятидесяти вооруженных людей должны были противостоять огромной армии.

В течении долгих месяцев посланцы и посетители без особого труда пробирались через ряды осаждавших. Но зимой 1243-44 годов кольцо осады сомкнулось, когда армия крестоносцев подошла к подножию пеш Монсегюр, а потом, в результате одной из вылазок, захватила

маленький редут защитников на углу горы. Военные действия неуклонно приближались к стенам деревни, и осаждавшие поставили катапульты и большую машину, швырявшую огромные каменные ядра на эти скромные домики. Обстановка стала совсем невыносимой, и 1 марта 1244 года Пьер-Роже, вступив в переговоры, добился прекращения огня на пятнадцать дней перед окончательной капитуляцией. По обычаю крестовых походов, упорствующие еретики, отказавшиеся отречься, должны быть сожжены. Светское население сохраняло жизнь.

Единственный секрет Монсегюра

За три дня до окончания перемирия, около двадцати человек из этого самого светского населения, которому было обещано сохранение жизни, попросили об уделении Consolament из рук епископов Тулузского и Разес, Бертрана Марти, сменившего престарелого Гвиберта де Кастра, и Раймонда Агуйе. Жена Раймонда де Перейля, дама Корба, была среди них, вместе со своей дочерью Эсклармондой, многими рыцарями и сержантами, и несколькими последовавшими за ними женами. Утром 16 марта 1244 года, когда закончилось перемирие, двести двадцать пять Добрых Мужчин и Добрых Женщин были приведены на место, где их «затолкали в палисад, сделанный из стволов и бревен, где зажгли огонь, и они проследовали прямо из пламени костра в пламя ада», - как считал хронист Гийом де Пюилоран, большой, видать, специалист в этом вопросе.

Можно сказать иначе: двести двадцать пять Добрых Мужчин и Добрых Женщин приняли христианскую смерть на костре, чтобы не отречься от своей веры, согласно обетам, которые они дали при святом крещении Иисуса Христа. Их душа была спасена. Они свидетельствовали Евангелие в мире, который во зле лежит.

Иногда пытаются понять, в чем же значение этого пятнадцатидневного перемирия, которое заключил сенешаль короля с Пьером-Роже де Мирпуа. Само собой, оно было использовано катарской Церковью Монсегюра, чтобы привести все дела в порядок, перед тем, как исчезнуть. Добрые Мужчины и Добрые Женщины раздали защитникам *castrum* свое бедное имущество, которое у них еще оставалось. Еще раньше они приняли меры для того, чтобы все денежные средства Церкви были увезены в Италию, достигли Кремоны, и помогли там окситанской Церкви в изгнании. Но прежде всего, защитники до последнего дня ждали и надеялись на помощь своего сюзерена, графа Тулузского, который все слал к ним посланцев с обещаниями и призывом хранить мужество.

Светское население Монсегюра, пережившее осаду, давало показания перед писцами инквизитора Феррера. Сохранилось всего девятнадцать таких показаний, из которых мы можем черпать информацию о подробностях жизни в *castrum* и перепетиях осады. После капитуляции эта территория отошла к Ги де Леви, товарищу Симона де Монфора и маршалу де Мирпуа, который вступил в права владения. Скорее всего, Инквизиция, по своему обыкновению, вынесла приговор разрушить всю деревню, где проводилось столько еретических и неблагочестивых церемоний, и долгое время там запрещено было что-либо строить - за исключением часовни. По-видимому, эта часовня была построена первой, чтобы заменить средоточие и престол ереси. В начале XIV столетия Франсуа де Леви построил на вершине скальной платформы горы маленький красивый замок, произведение военной архитектуры, который на сегодняшний день превратился в развалины. От деревни, где жили Добрые Люди, осталось только несколько террас и фундаментов бедных домиков, которые начали раскапывать терпеливые археологи.

Анн Бренон. Маленькие очерки о катаризме, Loubatieres, 1996.

Последние часы Монсегюра

Во главе группы приговоренных шел епископ Бертран Марти. Еретики были скованы цепью, и их безжалостно тащили по крутому склону к месту, где был приготовлен костер.

Перед Монсегюром, на юго-западном склоне горы — практически, это единственное место, куда можно спуститься, — есть открытая поляна, которая нынче зовется «полем сожженных». Это место расположено менее чем в двухстах метрах от замка, и тропа к нему очень крута. Гильом Пюилоранский говорит, что еретиков сожгли «у самого подножия горы», и, возможно, это и есть поле сожженных.

В то время как наверху совершенные готовились к смерти и прощались с друзьями, часть сержантов французской армии была занята последней осадной работой: надо было обеспечить надлежащий костер для сожжения двухсот человек. [...]

Для такого количества приговоренных, скорее всего, некогда было ставить столбы и привязывать к ним людей по одному. Во всяком случае, Гильом Пюилоранский упоминает только, что их всех согнали в палисад.

Больных и раненых попросту бросили на охапки хвороста, остальным, быть может, удалось отыскать своих близких и соединиться с ними... и хозяйка Монсегюра умерла рядом с матерью и больной дочерью, а жены сержантов — рядом с мужьями. Быть может, епископ успел среди стонов раненых, лязга оружия, криков палачей, разжигавших костер, и заунывного пения монахов обратиться к своей пастве с последним словом. Пламя вспыхнуло, и палачи отпрянули от костра, уберегаясь от дыма и жара. За несколько часов двести живых факелов превратились в груды почерневших, окровавленных тел, все еще прижимавшихся друг к другу. Над долиной и замком плыл жуткий запах горелого мяса.

Защитникам, оставшимся в замке, сверху было видно, как занялось и росло пламя костра, и клубы черного дыма покрыли гору. По мере того, как уменьшалось пламя, едкий, тошнотворный дым сгущался. К ночи пламя стало медленно угасать. Рассыпавшиеся по горе солдаты, сидя у костров возле палаток, должны были видеть красные сполохи, пробивавшиеся сквозь дым. В эту ночь и спустились на веревках со скалы четверо, отвечавших за сохранность сокровища. Их путь проходил почти над тем местом, где догорал чудовищный костер, накормленный человеческой плотью.

3. Ольденбург. Костер Монсегюра. История альбигойских крестовых походов / Пер. с фр. О. И. Егоровой. — СПб.: Алетейя, 2001.

ВАЛЬДЕНСЫ, СПИРИТУАЛЫ И АПОСТОЛИКИ

Инквизиция была создана именно для того, чтобы противодействовать катарам. Но другие религиозные движения она тоже преследовала как еретические.

Средневековые ереси в Европе

Инквизиция оказалась не так уж эффективна в борьбе с движением вальденсов, не имевших такой жесткой структуры, как катарская Церковь, и более приспособленных к тому, чтобы пережить подполье. Раздающиеся то тут, то там по всей Западной Европе в первые годы XII столетия требования евангельской бедности и свободной проповеди Слова Божьего, начиная с 1170 года кристаллизуются вокруг призвания Лионских Бедняков, которых непримиримость церковных властей вначале отбросила в ряды раскольников, а потом - еретиков. Лионские и ломбардские Бедняки, своего рода предшественники нищенствующих орденов, особенно францисканского, радикализировались во время религиозных преследований и рассеялись по Центральной Европе, примкнув к гуситам, а потом к протестантской Реформе 1532 года.

Вальденсы отказывались от авторитарных структур иерархии Римской Церкви и подвергали сомнению ценность таинств, полученных из рук недостойного священника. В середине XIII века радикальное крыло францисканцев, спиритуалы, объявили, что хотят быть верными образу жизни

святого Франциска и отказались вначале от конвентуального пути своего ордена, а потом от его zaangażированности в инквизиторские репрессии. В Лангедоке их поддержали третьи ордена бегинов и бегинок. Приняв пророческие апокалиптические видения иоакимитов - в той или иной степени последователей Иоахима Флорского, они провозгласили неизбежность явления Церкви Духа Святого, которая свергнет власть насильственной, погрязшей в роскоши и привязанной к материальным благам Римской Церкви, когда эпоха Сына сменится эпохой Духа. В Италии движение апостоликов Герарда Сегарелли и Фра Дольчино стали экстремальным пароксизмом этого религиозного движения, провозгласив одновременно и приход Церкви Духа, и осуществление справедливости в этом мире.

В первые десятилетия XIV века Инквизиция стала жечь спиритуалов и бегинов в Лангедоке и апостоликов в Италии - одновременно с последними катарами в Лангедоке. В то же время Джон Уиклиф и его лолларды в Великобритании, как позже Ян Гус в Богемии, а потом табориты, настаивали как на моральной и теологической Реформе извращенной Церкви, так и на социальной справедливости.

Анн Бренон. Консилиум, 1997

Вальденсы: слово и бедность

Движение вальденсов является прекрасным примером проявления скрытого евангелизма средневекового христианского населения. В нем словно бы сошлись воедино все духовные стремления конца XII столетия - идеал бедной и чистой жизни и ответ на проблему жажды Слова Божьего. Основатель, по которому названо движение, - возможно, мифический - был богатым купцом из-под Лиона, скорее всего, по имени Пьер. Пьер Вальде или Вальдо - абсолютный предшественник подобного демарша Франциска Ассизского тремя десятилетиями позже. О мифичности Пьера Вальдо можно поставить вопрос, как и о том, не является ли его биография ретроспективной копией источников. Но ответа на этот вопрос у нас нет.

Из того, что нам известно, Пьер Вальдо из Леона раздал свое имущество бедным в присутствии архиепископа Лионского. Третью часть имущества он оставил жене и двоим дочерям, которые (не случайно) вступили в орден Фонтевро. Что касается мотивов его обращения, состоявшегося около 1170 года, то это были размышления над пассажем из Евангелия от Матфея (19, 21): «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». [...]

Вокруг Вальдо собрались Лионские Бедняки - его последователи, мужчины и женщины, проповедовавшие толпам на площадях, пока, наконец, архиепископ Гвишард не прогнал их из Лиона. В 1179 году Александр III по-отечески принял вальденсов на Латеранском соборе «в их евангельской бедности», но посоветовал им слушаться решения архиепископа. По этому поводу клирик Уолтер Мэп, встретив Лионских Бедняков, написал в своей хронике: «Они не имеют постоянного жительства, ходят по дорогам по двое, босые, одетые только в шерстяную тунику. Не имея ничего, они всем владеют сообща, как апостолы. Нагие, они служат Христу нагому».

В таких же обстоятельствах Лионские Бедняки впервые встретились с Ломбардскими бедняками. Но хотя Пьер Вальдо в марте 1180 года согласился произнести исповедание веры, как того требовали архиепископ и папский легат, Генрих из Клерво, четко отрекаясь от всякого арнольдизма и всякого дуализма, тем не менее, вальденсы скопом были отлучены от Церкви, потому что не хотели отказываться проповедовать. И тогда загорелись первые костры. Вальдо ответил на это парафразой из Деяний Апостолов: *Melius obedire Deo quam hominibus* (лучше покоряться Богу, нежели человекам).

ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследователь XX столетия, изучающий катаризм, должен совершить смелый акт «контр-ревизионизма»: осмелиться поставить под сомнение все, что до сих пор об этом знали, и во что верили. Нужно осознавать, что по выражению Жоржа Дюби, мы фактически «ничего не знаем о ереси, только от тех, кто ее преследовал и победил, только из актов ее осуждения и опровержения».

Приключения исследователей катаризма

Побежденный и вычеркнутый из Истории, катаризм очень долго был известен именно в интерпретации победителей, особенно доминиканских инквизиторов. До пятидесятых годов XX века между историками существовал своего рода добротный консенсус, источником которого служили несколько апологетических трудов, опубликованных в разное время, преимущественно католическими теологами, о том, что катаризм - это окончательно решенный вопрос. Кульминацией этого консенсуса был 1953 год, когда вышла книга Арно Борста *Die Katharer*, опубликованная через двадцать лет на французском языке под названием *Les Cathares*. Это была попытка приуменьшить крайности ужасных событий крестовых походов и Инквизиции, представляя их как меньшее зло, необходимое для того, чтобы очистить христианскую Европу от заражения опасной ересью, восточного и манихейского происхождения, подрывавшей общественный порядок.

Нарыв на теле средневекового христианства

Итак, сделаем выводы: катаризм, чужеродный нарост на теле средневекового христианства, не мог восприниматься иначе, как нарыв или гангрена, и в конце концов, христианство отвергло его, выздоровело и очистилось.

Но в те же самые 50-е годы некоторые медиэвисты начинают задавать вопросы о том, какой на самом деле была природа этой средневековой ереси, и какую роль она сыграла в эволюции западноевропейского общества. Они попытались приподнять краешек завесы, критически прочитывая документы. Значительную помощь в этом деле оказали внезапные открытия - на протяжении двадцати лет - многих абсолютно новых текстов аутентично катарского происхождения, которые полностью переориентировали исторические исследования. Два катарских трактата - самый знаменитый из которых *Книга о двух началах* - а также две, а потом три литургические катарские книги на латыни и на окситан, найденные в архивах европейских библиотек, стали объектом изучения. В 1959 году Рене Нелли впервые издал их на французском языке в книге *Писания катаров* (Depoell).

Катаризм очищается от мифов

Провозглашенный манихейской ересью и преследуемый в Средние века, катаризм определял себя сам, в своих собственных книгах, аутентичным христианским движением. Начиная с 1970-80-х гг. в медиэвистике появляется много новых исторических трудов, значительно расширяющих наше познание о происхождении этой ереси из эпохи Тысячелетия и монашеской романской культуры. Эти работы вновь подняли старый вопрос о катаризме. Инициатором и предтечей этого движения стал Жан Дювернуа, который, опубликовав реестры Инквизиции Жака Фурнье, показал нам, наконец, человеческое и социальное измерение средневековых верований Юга. В 1976 году он опубликовал в издательстве Privat книгу «Религия катаров», первый том настоящей Суммы под названием «Катары», наконец, очистившей катаризм от мифов и сказок.

Анн Бренон, апрель 1997.